Парейдолия

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Коннор Волф-Кинг

Перевод с английского: Иван Стародубтев

Коннор Волф-Кинг

Парейдолия

«Автор»
2026

Волф-Кинг К.

Парейдолия / К. Волф-Кинг — «Автор», 2026

Арон Садовски — агент отдела экстрасенсорного восприятия ФБР, обладает особым «даром». Он может видеть во сне сцены совершенных преступлений, если засыпает, сжимая в руке улику.Ему поручено расследовать загадочное исчезновение нескольких молодых людей в небольшом городке Сендам на севере штата Нью-Йорк. По прибытии он начинает замечать, что со всем городом творится нечто неладное. Сендам полон странных персонажей, а необычные события преследуют его на каждом шагу. Более того, в деле замешано нечто сверхъестественное — то, что напрямую связано с ним самим и с источником его дара.Чем глубже он погружается в эту кроличью нору, тем сюрреалистичнее становится происходящее — и тем сильнее он сам начинает скатываться в это безумие. Подобно оптической иллюзии — парейдолии, здесь ничто не является тем, чем кажется, и чтобы увидеть правду, нужно найти способ взглянуть на всё под другим углом.Жанр: Слипстрим, с элементами психологического триллера, хоррора/тёмного фэнтези, и чёрной комедии.

© Волф-Кинг К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 12
Глава 3 24
Глава 4 29
Глава 5 37
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Коннор Волф-Кинг
Парейдолия

Глава 1

На станции метро стоял тот ни с чем не сравнимый запах, присущий всем подземкам мира. Даже если бы он был слеп, он всё равно понял бы, где находится. И в то же время он не мог точно определить, чем именно пахнет. Сыростью? Нет — сам воздух казался довольно сухим. Тогда чем же? Почему-то ему представилось, что именно так должны были пахнуть средневековые темницы.

Он огляделся — станция была великолепна. Высокий сводчатый потолок, колонны в римском стиле и мраморный пол, выложенный черно-белой шахматной плиткой. Это определенно было не нью-йоркское метро. Где, черт возьми, он оказался? В Москве? Он смутно припоминал сюжет по телевизору о том, что московские станции метро славятся своей красотой. Но как, во имя всего святого, он попал из «Большого яблока» в столицу России?

Нет. Это не могла быть Россия. Даже в Москве не нашлось бы настолько грандиозной станции. Она больше походила на зал в каком-нибудь сказочном замке. Точнее — в замке, принадлежащем сказочному великану. Здесь всё было настолько огромным, что сам он чувствовал себя крошечным. К тому же станция была совершенно пуста. Ни единой души в поле зрения.

Который час? Он взглянул на свои наручные часы. Странно — это были не его часы. И не его запястье. И даже не его рука. Они были похожи, но в то же время совершенно другие. Одежда тоже была чужой. На нем был странный длинный желтый плащ и, судя по ощущениям на голове, — старомодная шляпа, какие носили мужчины в 60-х. Он бы никогда не надел ничего настолько нелепого.

Внезапное осознание накрыло его — он был в чужом теле! Но как он в нем оказался?

Словно в ответ на это озарение, послышался шум приближающегося поезда. Он посмотрел в ту сторону. Поезд был так же великолепен, как и сама станция. Он был целиком сделан из граненого хрусталя, прозрачного, как слеза, и сиял изнутри странным светом — холодным и прекрасным.

Внезапно незнакомец, в чьем теле он был заточен, зашагал к краю платформы. Он попытался остановить его, но мышцы незнакомца уже не подчинялись его воле. Он хотел закричать от ужаса, взмолиться о пощаде, но не мог сделать и этого. Ему оставалось только в ужасе наблюдать.

На секунду вся станция изменилась. Колонны из мрамора превратились в переплетённую плоть — оголённые мышцы, остатки кожи, похожие на ребра кости и извивающиеся щупальце-

подобные отростки. Из такой же плоти были сделаны стены станции и сам приближающийся поезд, ехавший по костяным рельсам.

Незнакомец дошел до края платформы и прыгнул вниз, в бездонную тьму. Кошмарный поезд из плоти пронесся над его головой с пронзительным свистом.

В этот момент Арон проснулся. Свист поезда из его сна всё еще отдавался в ушах. Вдобавок ко всему, голова раскалывалась просто нещадно. Он хотел было снова уснуть, но взгляд упал на будильник — было 7:58 утра. Еще две минуты, и ему всё равно пришлось бы вставать.

— Блядь, — прошептал он, нажимая на кнопку будильника, чтобы выключить его.

Голова буквально раскалывалась от боли. Казалось, мозг давит на стенки черепа, готовый вот-вот взорвать голову изнутри.

«Надо вставать», — подумал он. Каждая мысль давалась с трудом. «Вставай, сукин сын!»

Он застонал и наконец выбрался из постели.

Опорожнив мочевой пузырь, он открыл аптечку над раковиной и взял пузырёк тайленола. После нескольких секунд борьбы с крышкой, снабжённой защитой от детей (Боже, как же он ненавидел эти чёртовы штуковины!), он вытряхнул две таблетки на ладонь и жадно проглотил их, запив водой прямо из-под крана. Затем он плеснул в лицо холодной водой и посмотрел себе в глаза в зеркале. Ему было тридцать три года — красавец со светлыми волосами, глубокими синими глазами и лицом, будто выточенным ангелами. Но в этот момент он выглядел старым и усталым.

— И тебе того же, приятель, — сказал он, показывая своему отражению средний палец с кривой улыбкой в стиле Харрисона Форда. Той самой улыбкой, которая так сводила с ума девчонок в его школьные годы.

Он выдавил каплю зубной пасты на щётку и принялся энергично чистить зубы. Головная боль отступила так же быстро, как и началась, и почти полностью исчезла к тому времени, как он закончил свой утренний туалет.

Арон страдал от головных болей с самого детства, но с возрастом они усилились. Его врач утверждал, что всему виной высокое кровяное давление, но Арон знал: давление было лишь побочным эффектом его «дара». Именно из-за этого дара его и завербовали в ФБР много лет назад. Он не получал посланий от мёртвых и не видел призраков. Вместо этого он видел сцены преступлений, если засыпал, сжимая в руке предмет, находившийся на месте происшествия в тот момент, когда человека убили, ранили или похитили. Также это работало, если он засыпал на самом месте преступления. Но этот процесс не был таким простым и быстрым, как показывают в кино и сериалах о ясновидящих. Часто ему приходилось проводить дни, а иногда и недели, засыпая в обнимку с уликой.

Четыре года назад он смог раскрыть убийство Марджори Шаттер, вышедшей на пенсию воспитательницы детского сада, увидав лицо убийцы во сне. Убийцей оказался бывший муж жертвы, страдавший шизофренией. В один прекрасный день он просто сорвался, прыгнул в машину, приехал к дому бывшей жены и зарезал беднягу её же собственным кухонным ножом. После этого он стёр отпечатки пальцев и ушёл. Обычно такие дела легко раскрываются криминалистами, которые могут вычислить преступника по единственному волоску, но вдобавок к шизофрении бедолага страдал ещё и ангидротической эктодермальной дисплазией — состоянием, которое, помимо прочего, вызывает аномальное развитие волосяных фолликулов и, как следствие, полное облысение. Чтобы получить видение, Арон спал, держа орудие убийства в руках, три ночи подряд, несколько раз порезавшись в процессе.

В первую ночь ему приснилась живая тень. Аморфное существо вошло в дом миссис Шаттер через заднюю дверь и застало женщину за мытьём посуды на кухне. Тень схватила нож со стола и нанесла ей несколько ударов в область груди.

Во вторую ночь сон повторился, но теперь тень была одета в джинсы и белую рубашку с коротким рукавом. Очертания существа стали более различимыми. Вместо аморфного сгустка оно теперь напоминало человека, сотканного из полупрозрачной тьмы.

На третью ночь сон явился снова, но человек-тень исчез, а на его месте появился лысый мужчина лет пятидесяти с чертами лица Майкла Берримана [*американский актёр, страдающий от ангидротической эктодермальной дисплазии — прим. пер.*].

На следующий день Арон описал лицо убийцы штатному художнику, и в мужчине опознали Чарльза «Чака» Шаттера, бывшего мужа миссис Шаттер. Разумеется, Бюро не могло официально использовать его сны как улику для предъявления обвинения мистеру Шаттеру, но, на их удачу, тот сам сознался уже через десять минут допроса.

Что интересно, это работало только с насильственными преступлениями. Если, например, кто-то украл хоть миллион баксов, хоть один пенни, Арон не получил бы ни единого видения, проспи он хоть неделями напролёт на месте преступления. Но если грабитель во время бегства кого-то ударил или ранил, тогда появлялся шанс увидеть преступника во сне. Видения также зависели от того, сколько времени прошло с момента происшествия. Чем преступление было «свежее», тем легче пробивался образ. Арон был безмерно благодарен тому, кто наделил его этим даром — Богу, природе или судьбе, — за это ограничение. Учитывая, сколько насилия было совершено за всю историю человечества, на Земле, вероятно, не осталось ни одного места, где не пролилась бы чья-то кровь. Так что, не будь этого лимита, ему снились бы кошмары каждую ночь.

Источник его дара (и головных болей) был обнаружен совсем недавно. Около года назад несколько умников из Бюро решили сделать ему МРТ и обнаружили небольшую опухоль в форме звезды в его гиппокампе — области мозга, отвечающей за память и остающейся активной во время сна. К счастью, опухоль была маленькой, не больше чечевичного зёрнышка, и доброкачественной. Доктор Саймонс, глава умников Бюро и тот самый человек, который завербовал Арона в отдел ЭСВ (экстрасенсорного восприятия) ФБР, назвал эту опухоль его «счаст-

ливой звездой». Арон подумывал об её удалении хирургическим путём, когда головные боли начали усиливаться, но, к сожалению, она оказалась неоперабельной. После нескольких месяцев исследований доктор Саймонс наконец пришёл к выводу, что «счастливая звезда» — это вовсе не опухоль, а новый тип органа чувств. Он не знал, было ли это просто удачной мутацией, новым этапом человеческой эволюции или и тем и другим одновременно. Арону, в общем-то, было всё равно.

Приняв быстрый душ, Арон начал собираться в дорогу. Сегодня был первый день его первого самостоятельного задания. Обычно он работал со своим напарником, специальным агентом Джоном Дэвисом, но тот взял больничный, а Бюро отчаянно нуждалось в особых способностях Арона. Согласно поступившему отчёту, шестеро молодых людей из маленького городка Сендам на севере штата Нью-Йорк два дня назад отправились в поход и с тех пор их никто не видел. Обычно ФБР не интересовалось подобными делами, но странности этого случая привлекли внимание руководства. Полиция нашла в лесу их лагерь и все вещи, но самих туристов нигде не было. Не было никаких следов борьбы, нападения животных или какого-либо другого происшествия. Казалось, будто они просто растворились в воздухе. Даже полицейские поисковые собаки не смогли взять след пропавших. Натренированные псы, войдя в зону лагеря, начинали скулить и пытались убежать. Более того, вся растительность вокруг лагеря была мёртвой. В отчёте говорилось: «Несмотря на начало июня, вся трава вокруг лагеря была сухой и жёлтой, словно поздней осенью или ранней весной. Деревья и кусты внутри этой «мёртвой зоны» также стояли голыми, сухими и безжизненными». «Зона» представляла собой идеальный круг диаметром тридцать футов.

Арон перечитал отчёт несколько раз, но так и не смог ничего понять. За двенадцать лет работы в отделе ЭСВ — он сталкивался со многими странными делами, но это было самым странным из всех. Он никогда не воображал себя «агентом Малдером», гоняющимся за НЛО и раскрывающим правительственные заговоры, но его всегда интересовали паранормальные явления. У него самого в мозгу был самый что ни на есть настоящий паранормальный феномен, так что его интерес к подобным вещам был вполне закономерен. Именно поэтому это дело так его увлекло, и он гордился тем, что заместитель директора поручил его именно ему. В то же время он не мог отделаться от зловещего предчувствия. Лёгкий холодок страха пробегал у него в груди каждый раз, когда он перечитывал отчёт о пропавших. Это чувство напомнило Арону, как он в детстве качался на качелях. Каждый раз, когда качели взмывали в воздух, ему казалось, будто душа вылетает из тела, оставляя в груди лишь холод.

У Арона были водительские права, но не было машины. Держать авто в Нью-Йорке с его бесконечными пробками казалось бессмысленным. К тому же он жил в пешей доступности от работы, а его напарник, агент Дэвис, всегда подвозил его на места преступлений, если возникала необходимость. Сендам находился далеко на севере штата, у самой канадской границы. Дорога туда занимала от пяти до шести часов. Он подумывал взять машину напрокат, но передумал: столь долгая поездка требовала предельной концентрации внимания, что неминуемо спровоцировало бы очередной приступ головной боли. К счастью, в Сендам ходил рейсовый автобус, так что Арон просто вызвал «Убер» до автовокзала в Порт-Оторити и купил билет.

Через четыре часа в пути — не считая часовой остановки в Олбани, его самом нелюбимом городе на свете, — Арон начал жалеть о своём решении поехать на автобусе. Он выбрал место в самом конце, чтобы быть поближе к туалету, и только потом понял, какую роковую ошибку совершил. От смешанного запаха освежителя воздуха и фекалий его начинало тошнить. Он подумывал пересесть, но передняя часть автобуса была забита. С другой стороны, рядом с ним никто не сидел, и он был благодарен вселенским силам за эту маленькую милость.

Он был немного социофобом и терпеть не мог, когда незнакомцы вторгались в его личное пространство.

Чтобы скоротать время, он достал из сумки материалы дела и принялся их изучать. Элис Грин, Дэниел Олафсон, Сара Трент, Руби Кармайкл, Дэвид Ханас и Патрик Олдрич — шестеро молодых людей, пропавших два дня назад во время похода к озеру Откон. Всем пропавшим было от двадцати до двадцати одного года, и все они учились в местном комьюнити-колледже [*англ. «community college» — нечто среднее между техникумом и первыми двумя курсами университета — прим. пер.*]. Арон посмотрел на фотографии троих юношей и троих девушек, отметив, что все они были похожи, словно братья и сёстры. Светлокожие, со светлыми волосами и голубыми или зелёными глазами. У каждого было по несколько веснушек вокруг носа. Все они были симпатичными молодыми людьми, за исключением одного: Дэниела Олафсона, который выглядел как туповатый качок с торчащими вперёд зубами. Перебирая фотографии, словно карты в колоде, он остановился на Элис Грин. Девушка была потрясающе красива. Арон несколько минут смотрел на снимок, изучая каждый сантиметр её идеального лица. Он поймал себя на странном чувстве, будто влюбляется, и быстро закрыл папку. В юности у Арона была дурная привычка влюбляться в вымышленные образы — женщин, которых он знал только из книг или с экрана телевизора, — и он не горел желанием повторять этот опыт.

Спустя несколько долгих секунд он всё же снова открыл папку и уставился на фотографию пропавшей девушки.

Глава 2

После, как ему показалось, целой вечности автобус наконец остановился на Мейн-стрит в городке Сендам, штат Нью-Йорк. Арон взял сумку и вышел на улицу. Задница затекла от многочасового сидения, и он был рад наконец-то размять ноги. Он огляделся. Мейн-стрит выглядела как главная улица любого маленького американского городка — вереница небольших магазинчиков по обеим сторонам дороги, банк, пекарня, пара ресторанов, ратуша с часовой башней и старый кинотеатр, где крутили устаревшие или низкобюджетные инди-фильмы, которые никто никогда не смотрел. Возле кинотеатра, недалеко от автобусной остановки, стояла полицейская машина — старый «Форд Краун-Виктория» с пятиконечной звездой шерифа и надписью «ШЕРИФ ОКРУГА ФРАНКЛИН» на боку. Прислонившись к машине со скрещёнными на груди руками, стояли двое полицейских. Казалось, они кого-то ждали. Один был шерифом. На вид ему было за пятьдесят, но он выглядел крепким, с лицом голливудского актёра 1940–1960-х годов. Второй, помощник шерифа, казался гораздо моложе — лет двадцати пяти. Высокий и широкоплечий, он возвышался чуть ли не на голову над шерифом, хотя и тот был далеко не маленького роста. Его гладкое, почти детское лицо украшала идиотская улыбка. Почему-то эта физиономия показалась Арону очень знакомой.

Заметив его, копы оторвались от машины и направились навстречу.

— Агент Садовски? — спросил шериф.

— Да, — подтвердил Арон. Он знал, что местный департамент шерифа уведомлён о его приезде, но не ожидал, что его будут встречать. Более того, он не называл точного времени. Автобус из Нью-Йорка, конечно же, прибывал лишь раз в день, но он не упоминал, что поедет именно им. Неужели они просто угадали?

Шериф протянул руку.

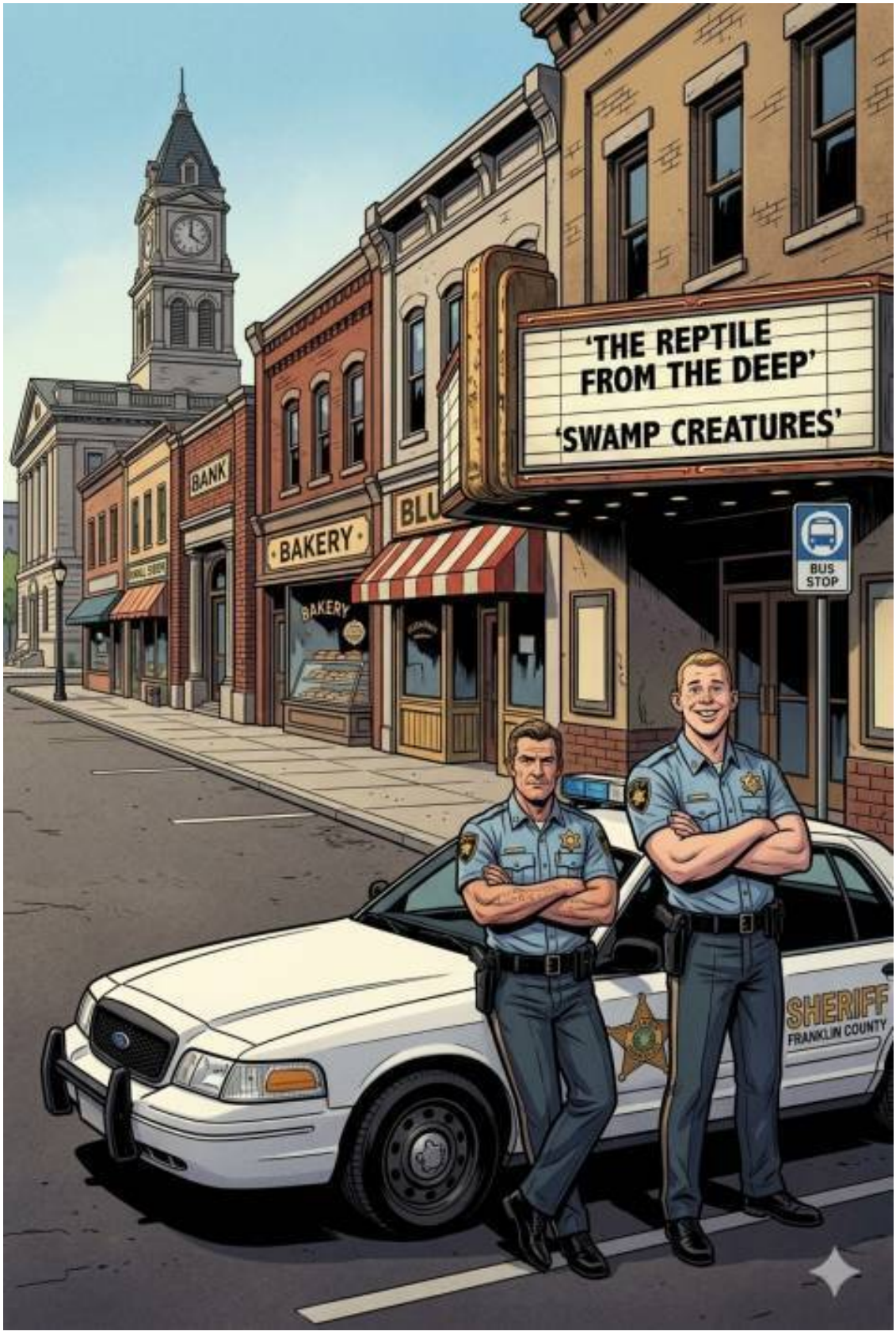
— Здравствуйте! Я шериф Келлогг. Мы вас ждали.

Его рука оказалась сильной и загрубевшей от работы. Арон предположил, что Келлогг рос на ферме и, вероятно, до сих пор владеет собственным хозяйством.

— Приятно познакомиться, шериф.

— А меня зовут Билли! — гигант схватил руку Арона и едва не раздавил её в медвежьем рукопожатии. — Билли Уильямс, как актёра, только без «Ди» в середине.

Несмотря на исполинский рост Билли, голос у него был как у перевозбуждённого ребёнка. Казалось, он никогда не расслабляет губы: улыбка будто навсегда приклеилась к его лицу и не сходила с него, даже когда он говорил.



— Мне тоже приятно познакомиться… Билли. — Арон медленно высвободил ладонь из костоломной хватки и вгляделся в улыбающуюся физиономию гиганта, понимая, что Уильямс

не просто выглядел как деревенский дурачок — он им и был. Оставалось загадкой, как тот вообще попал в полицию!

— Я так понимаю, вы приехали взглянуть на тело? — спросил шериф Келлогг, не обращая внимания на изумлённый вид Арона.

— На тело? — переспросил Арон, очнувшись. — Какое тело? Я приехал расследовать дело о пропавших на озере Откон.

— О, так вы ещё не слышали? Парковые рейнджеры нашли тело одной из пропавших — Элис Грин.

— Нашли тело? — Арон задал бессмысленный вопрос, чувствуя, как сердце ухнуло в желудок.

— Да, пару часов назад её доставили в городской морг. Хотите взглянуть?

— Да, хочу, — мрачно ответил Арон. Он видел девушку лишь на фотографии, но, как ни странно, почувствовал скорбь. Это была не та боль, какую испытываешь при потере близких, а скорее сожаление, настигающее при известии о смерти любимого актёра или писателя.

— Хорошо, тогда поехали, — сказал шериф, жестом приглашая его в машину.

Городская больница и морг находились за чертой города. Арон сидел на заднем сиденье, наслаждаясь видом из окна, пока «Краун-Виктория» шерифа катила по дороге вдоль соснового бора. Огромные сосны казались ровесницами самой Северной Америки. В салоне разило искусственной хвоей от освежителя-«ёлочки», болтавшегося на зеркале заднего вида. Запах был едким и неприятным, но он создавал слабую иллюзию, будто чувствуешь аромат настоящего леса. Пока Арон наблюдал за мелькавшими за окном деревьями, из чащи внезапно выскочил олень и пронёсся мимо, разминувшись с капотом машины всего на фут или два. Сердце Арона бешено заколотилось от выброса адреналина.

— Чёртовы олени, — буднично произнёс шериф Келлогг, без тени гнева или раздражения в голосе.

Спустя несколько секунд сердцебиение Арона пришло в норму, но он почувствовал, как в левом виске запульсировала вена — верный признак скорой и беспощадной головной боли.

«Действительно, чёртовы олени», — подумал он, растирая висок. Вдобавок ко всему помощник Уильямс, сидевший на переднем сиденье, включил радио. Арон не знал, на какую волну настроился Билли, но предположил, что приёмник ловит сигналы прямиком из самых тёмных недр ада, потому что игравшая музыка была не чем иным, как мерзостью, созданной в оскорбление Богу и всем Его творениям. Звуки и исполнение были настолько ужасными, что Арон искренне поверил: их можно использовать как более садистскую альтернативу вотербордингу [*англ. «waterboarding» — тип пытки, при которой человека связывают и поливают лицо водой — прим. пер.*].

— Это же «Дэдди-О и крысиные хвосты», шериф Келлогг! — с восторгом воскликнул помощник Уильямс, словно ребёнок, наконец получивший угощение.

— Она самая, Билли, — кивнул шериф с отеческим одобрением. — «Дэдди-О и крысиные хвосты» — любимая группа Билли, — добавил он, обращаясь к Арону так, будто этот факт мог его хоть сколько-нибудь заинтересовать.

— Моя самая любимая группа на всём белом свете, — заверил его Билли со своей неизменной улыбкой.

— Нисколько в этом не сомневаюсь, — мрачно ответил Арон.

Эта «музыка» больше походила на скрежет ногтей по школьной доске, чем на пение, и усиливала нарастающую головную боль в десятки раз. Тем временем Билли принялся подпевать своим высоким голосом, хлопая себя по коленям в такт и периодически поворачивая голову к Арону, словно ища его одобрения. Спустя примерно минуту Арон понял, что больше не выдержит.

— Эй, парни, простите, но можно попросить вас это выключить? — спросил Арон, ощущая почти физическую боль в барабанных перепонках. — У меня была очень долгая дорога из Нью-Йорка, и сейчас голова просто раскалывается.

— Вы уверены? — спросил шериф Келлогг. — Мы почти дошли до самого лучшего момента.

— Уверен, — ответил Арон сквозь сжатые зубы.

— Ладно, вы здесь босс. — Шериф выключил радио.

Улыбка впервые исчезла с лица Билли.

— Но, шериф... — Он хотел было возразить, но старший офицер остановил его жестом руки.

— Тише, Билли, — сказал Келлогг. — Агент Садовски — наш гость, а как мы должны поступать с гостями?

— Но...

— Никаких «но», Билли. Как мы должны поступать с нашими гостями? — сурово повторил шериф.

— Всегда относиться к ним с уважением, — ответил Билли. Затем он скрестил огромные ручищи на широкой груди и надул губы, как обиженный ребёнок, которому только что сделали выговор.

Арон не верил своим глазам. Всё это напоминало сюрреалистичный ситком. Он почти ожидал, что в любую секунду раздастся закадровый смех. Помощник Уильямс явно был психически больным человеком, возможно, даже опасным, и при этом у него на бедре в кобуре висел казённый пистолет! В какой-то момент Арон подумал, что, может быть, участвует в шоу со скрытыми камерами и всё это не более чем розыгрыш, но быстро отбросил эту мысль. Даже самый чокнутый телепродюсер не стал бы шутить с агентом ФБР по поводу пропавших людей и трупа. По крайней мере, он на это надеялся.

— Садовски? Это польская фамилия? — спросил шериф, чтобы завязать разговор. Видимо, он не был любителем езды в тишине.

Арон не хотел разговаривать. Второе сердце, бившееся у него в мозгу, грозило расколоть череп надвое, но он всё равно ответил:

— Польская, русская, украинская... Понятия не имею. Отец ушёл от матери, когда я был ребёнком, так что... у меня не было возможности расспросить его о нашей родословной. У моей матери шотландские и ирландские корни, если вам так интересно моё происхождение.

Арон надеялся, что его резкость смутит шерифа и тот перестанет задавать вопросы, но Келлогг и не собирался сдаваться:

— А у вас есть братья или сёстры?

— Нет. То есть были... вроде того, — Арон сдался, решив пойти навстречу желанию шерифа поболтать.

— В каком смысле?

Арон увидел в зеркале заднего вида, как шериф поднял бровь.

— У меня был брат-близнец, но он умер сразу после рождения.

— Жаль это слышать, — произнёс шериф Келлогг с видом искреннего сочувствия.

— Не стоит, — сказал Арон, откинув голову назад и прикрыв глаза. — Он родился с тяжёлым уродством. Он не прожил бы счастливую жизнь, если бы выжил. Мать принимала наркотики во время беременности. Можно сказать, что я вытянул счастливый билет.

— Некоторые говорят, что лучше жить в страданиях, чем не жить вовсе, — заметил шериф.

Арон устал от этого странного разговора. Он чувствовал, как боль смещается от висков к глазницам, давя на глазные яблоки изнутри.

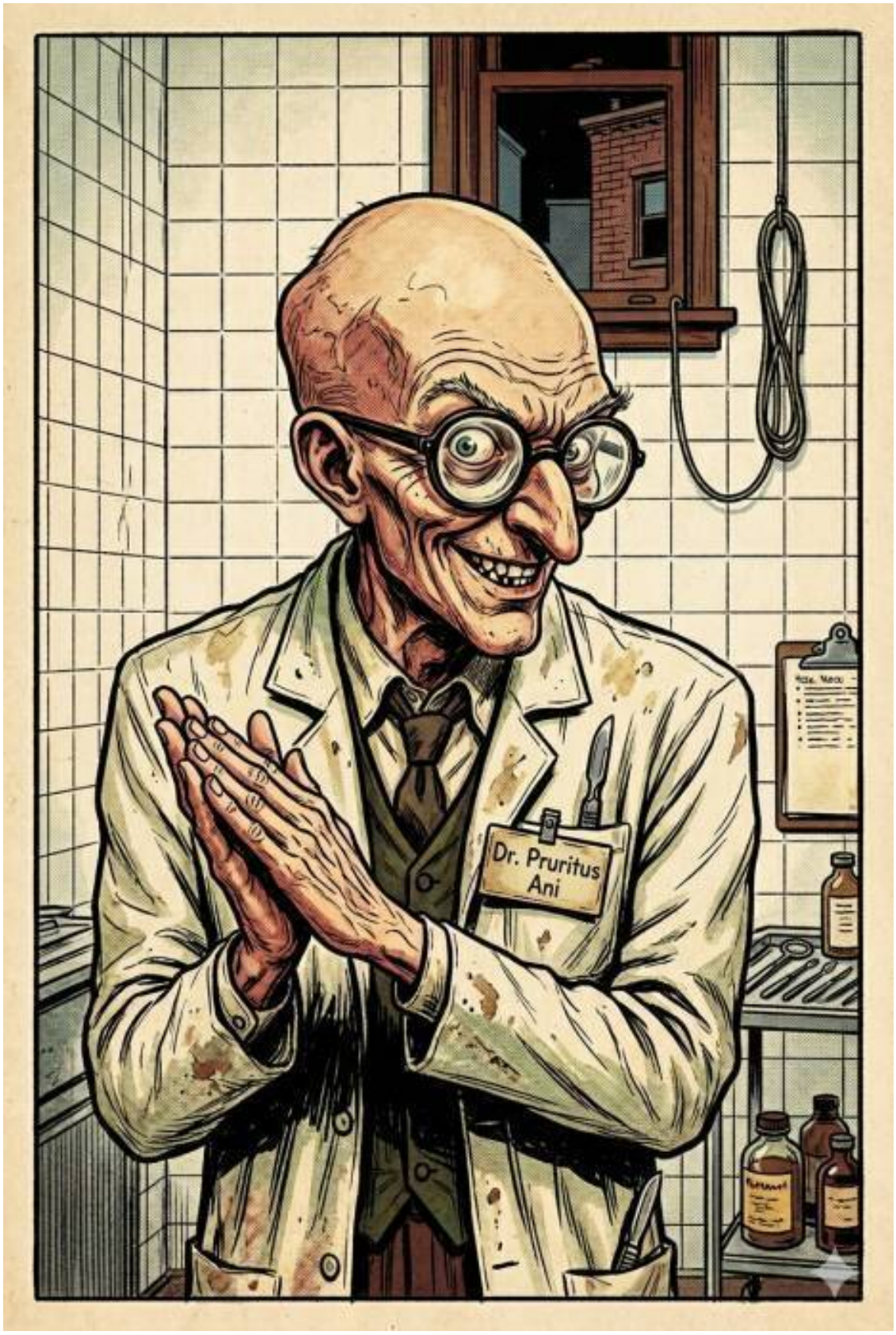
— Ну, люди, которые так говорят, — придурки, сами никогда не страдавшие. — Он сказал это довольно резко и сразу же пожалел об этом. Шериф Келлогг казался приятным человеком и определённо не заслуживал такого обращения. — Простите, шериф. Я не хотел грубить, — извинился Арон. — Просто у меня бывают эти жуткие головные боли, и из-за них порой трудно сохранять спокойствие.

— Не беспокойтесь, агент Садовски. Это я должен извиниться за то, что засыпал вас вопросами. — Губы шерифа растянулись в улыбке. Если он и обиделся, по его лицу этого нельзя было сказать.

Арон достал из дорожной сумки пузырёк тайленола и проглотил две таблетки. Ему показалось, что одна застряла в горле. Воды с собой не было, поэтому он начал усиленно сглатывать слюну, чтобы протолкнуть проклятую пилюлю вниз.

— Мы на месте, — объявил шериф, заезжая на просторную парковку двухэтажного здания больницы.

Морг находился в подвале больницы. Когда Арон, шериф Келлогг и помощник Уильямс добрались туда, их встретил штатный патологоанатом, представившийся доктором Пруритусом Ани. В детстве Арон обожал комиксы, особенно старые. Доктор Ани выглядел точь-в-точь как типичный безумный учёный из тех старых комиксов: грязный белый халат поверх худого, костлявого тела; большая лысая, слегка деформированная голова; огромный крючковатый нос и очки с линзами такой толщины, что глаза казались вдвое больше. Более того, он говорил с заметным немецким акцентом.



— Значит, вы пришли посмотреть на тело? — спросил доктор Ани, сгорбившись и потирая руки.

— Да, — ответил Арон. — Вы уже провели вскрытие?

— Ну... — патологоанатом замялся, — я отказался проводить вскрытие этой бедной девочки.

— Почему? — Арон был искренне удивлён.

— В ней есть что-то очень... странное. С тех пор как её нашли, прошло более четырёх часов, и Бог знает, сколько она пролежала в лесу до этого, но до сих пор у неё нет ни трупного окоченения, ни трупных пятен, и никаких других признаков мёртвого тела.

— Вы намекаете, что она всё ещё может быть жива? — спросил Арон, сам не веря своим словам. — Она что — в коме?

— Ну, она не дышит, и её сердце не бьётся, так что это невозможно, но в то же время я никогда не видел ничего подобного за свои сорок с лишним лет медицинской практики. Так что на всякий случай я отложил процедуру до тех пор, пока не появятся первые признаки окоченения или разложения. Кроме того, сомневаюсь, что аутопсия принесёт какую-то пользу. На ней нет никаких признаков насильственной смерти или сексуального насилия. Только несколько незначительных царапин на левой ноге. Анализ крови не выявил следов каких-либо природных или искусственных токсинов. Мы также сделали компьютерную томографию, которая не показала внутренних повреждений. Все её ткани и органы в идеальном состоянии. Похоже, она просто... внезапно перестала жить. — Доктор развёл руками. — Хотите на неё взглянуть?

— Да, пожалуйста.

Доктор Ани провёл Арона и шерифа Келлогга в прозекторскую. Билли решил остаться снаружи, потому что, по его словам, трупы наводили на него жуть. Помещение ничем не отличалось от десятков тех, что Арон посетил за годы работы в Бюро: линолеум на полу, голые белые стены без окон и холодный свет люминесцентных ламп. В комнате было холодно, а в воздухе стоял приторно-сладкий запах смерти. Обнажённое тело Элис Грин лежало на металлическом секционном столе посреди комнаты. Она была невысокой и хрупкой, с маленькой грудью и... лишёнными волос мужскими гениталиями! Арон поймал себя на том, что уставился на неё, на мгновение парализованный когнитивным диссонансом.

— Почему в отчёте не было сказано, что она трансгендер? — спросил он, обретя дар речи после недолгого молчания.

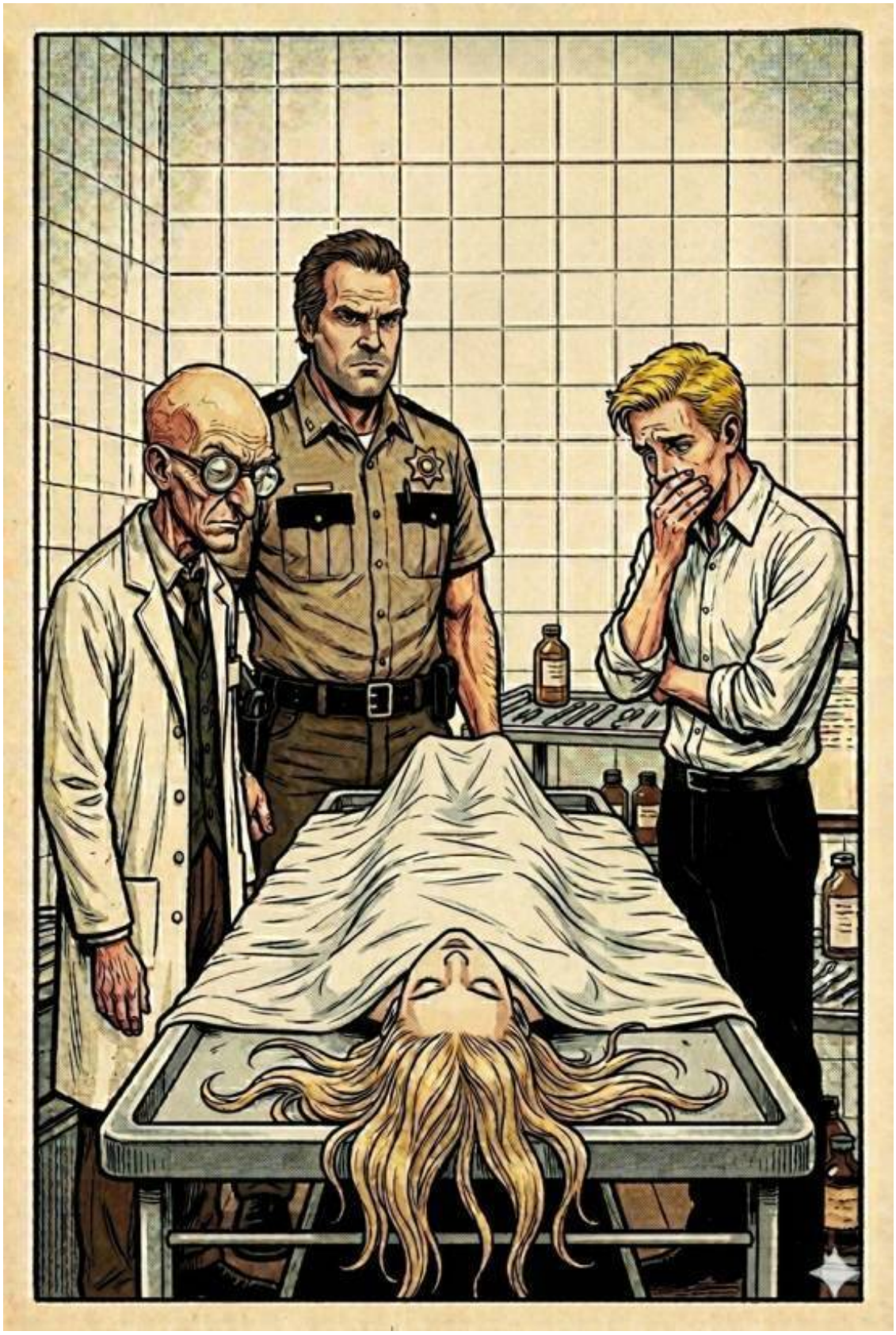
— Никто не знал, пока её не нашли, — ответил шериф Келлогг.

— Но разве она не родилась и не выросла здесь? — вслух удивился Арон. — Насколько я понимаю, Сендам — довольно маленький городок. Вы хотите сказать, что никто не знал, что она сменила пол?

— Я знал Элис с детства, — сказал шериф Келлогг. — Очевидно, я никогда не видел её голой, но, насколько помню, она всегда выглядела и одевалась как девочка. Поверьте мне, я был удивлён не меньше вашего, когда увидел это. — Он указал на пенис девушки.

— Значит ли это, что родители воспитывали её как девочку с самого рождения и давали ей женские гормоны после наступления полового созревания?

— Нет, — вмешался доктор Ани. — Она на все сто процентов не является трансгендером, и никаких гормонов ей никогда не давали. Я не проводил вскрытие, но, как уже упоминал, мы сделали КТ, чтобы проверить наличие внутренних повреждений. И хотя ничего не нашли, мы пришли к выводу, что она — самое что ни на есть настоящее медицинское чудо. Наряду с мужскими гениталиями у неё также есть полностью развитые матка и яичники. Это уму непостижимо, так как яичники и яички — это, по сути, одни и те же органы.



— То есть вы хотите сказать, что она такой родилась?

— Да, но я также пытаюсь сказать, что она уникальна. Единственная в своём роде. Науке известно множество примеров людей с так называемым истинным гермафродитизмом. Такие

люди могут рождаться с различными вариациями гонад. Одни рождаются с двумя овотестисами, содержащими как овариальную, так и тестикулярную ткань. Другие — с одним овотестисом и одним яичком или с одним овотестисом и одним яичником, но я никогда не слышал, чтобы кто-то рождался с двумя полными комплектами и яичек, и яичников.

Арон не был большим знатоком биологии, но его знаний хватало, чтобы понять: разгадка этого дела может быть связана с биологической особенностью этой девушки.

— А у неё есть вагина? — спросил он.

Он мог бы просто подойти ближе к телу и посмотреть сам, но посчитал, что это было бы совершенно неуместно.

— Нет, — доктор Ани покачал головой.

— Но вы сказали, что у неё полностью развитые матка и яичники. Разве у неё не должно быть менструаций?

— Да, — с энтузиазмом ответил доктор Ани. — Это ещё одна странность. Её шейка матки соединена с рудиментарной трубкой, похожей на уретру, которая выходит прямо в прямую кишку. Так что я могу предположить, что во время менструации кровянистые выделения поступают из матки прямо в ампулу прямой кишки. Совсем как клоака у птиц и рептилий.

«Рептилий? Она что, мать его так, пришелец?» — подумал он. Нет, вряд ли. Он, конечно, верил в паранормальное, но пришельцы из космоса — это уже чересчур. Наверняка обычная мутация.

— Интересно, — Арон задумчиво потёр подбородок.

Ему нужно было взять какую-нибудь личную вещь, которая была на Элис во время происшествия, чтобы вызвать видение её смерти.

— Где её одежда и личные вещи?

— Их нет, — ответил шериф Келлогг. — Рейнджеры нашли её обнажённой в лесу, в пяти милях от их лагеря на озере Откон. На ней и рядом с ней ничего не было.

— Странно, — Арон нахмурился. — И вы говорите, никаких следов сексуального насилия?

— Никаких, — доктор Ани покачал головой.

Арон подошёл ближе к телу. Её нашли обнажённой в лесу в нескольких милях от лагеря. Если бы она шла весь этот путь без одежды или если бы кто-то тащил её туда, она была бы вся в ссадинах и глубоких царапинах, но, как и сказал доктор Ани, только на её левой ноге было несколько мелких царапин. В остальном её фарфорово-белая кожа была чистой и невредимой. Это наводило на мысль, что она прошла это расстояние — сама или по принуждению — полностью одетой, и её раздели и убили уже на месте.

Чтобы разрешить эту загадку, ему нужен был катализатор, который запустил бы видение.

— Можно мне ваш скальпель на секунду, пожалуйста? — спросил Арон.

— Да, — ответил патологоанатом, беря со стола инструмент и с недоумением протягивая его Арону. — А зачем он вам?

— Я просто хочу взять образец её волос, чтобы отправить ребятам из лаборатории Бюро на анализ, — солгал Арон, приближаясь к телу девушки.

Он отрезал небольшую прядь её светлых волос и положил в маленький пластиковый пакетик, который всегда носил с собой для сбора улик.

— Я мог бы просто отправить им полный отчёт об её анализах крови, — предложил доктор Ани.

— Возможно, позже, — ответил Арон, складывая пакетик с волосами Элис пополам и убирая его в задний карман джинсов. — Спасибо за помощь, доктор Ани. — Он пожал ему руку. — Вы нам очень помогли. А теперь извините, нам пора. — Он повернулся к шерифу. — Не могли бы вы подбросить меня до ближайшего отеля?

— Конечно, — ответил шериф. — Хорошего дня, доктор Ани. — Он кивнул патологоанатому.

Когда они вышли из здания больницы, Билли уже ждал их на парковке у машины. По всей видимости, он уже забыл о былых обидах, так как на его лице снова сияла лучезарная улыбка.

— Куда теперь, шериф Келлогг? — спросил Билли, как только все сели в машину.

— Нужно найти мотель для агента Садовски. Думаю, «Хантер Инн» будет самым оптимальным вариантом.

— Да, «Хантер Инн» — лучший! — отозвался Билли.

Учитывая его музыкальные вкусы, Арон предположил, что для Билли всё на свете было «лучшим».

— А что насчёт родителей Элис? — спросил Арон у шерифа, пока они ехали. — Вы их знаете?

— Я знал отца Элис, Джона, еще со школы. Маленький городок. Все друг друга знают и все дела. Но наша дружба сошла на нет после того, как он уехал учиться в колледж в Массачусетсе, — объяснил шериф Келлогг, не отрывая взгляда от дороги.

— Мы можем с ним поговорить?

— Увы, нет. Он и его жена погибли около года назад. Автокатастрофа.

Арон вспомнил, что читал об этом в досье Элис.

— Расскажете о них подробнее?

— Ну, как я уже сказал, Джон уехал в колледж в Массачусетсе и остался там после выпуска. Если не ошибаюсь, он преподавал там и стал профессором. Прожил там больше двадцати лет и вернулся в Сендам, когда его жена Мэри-Лу забеременела.

— Она тоже местная?

— Нет, он встретил её в Массачусетсе. Единственное, что я о ней знаю, так это то, что она была на десять лет его моложе. Наверное, его студентка или стажёрка. Они переехали в старый дом его родителей. Точнее, это был скорее особняк, а не дом. Его семья была при деньгах. После переезда они жили как отшельники, ни с кем не общались, даже на улицу редко выходили. В общем-то, больше о них и сказать нечего.

— Понятно. А у Элис есть другие родственники, кроме родителей?

— Может, в Массачусетсе, но только не в Сендаме.

— А как насчёт её бойфренда? Я заметил, что все пропавшие были разбиты на пары. Он был среди них?

— Да, Дэниел Олафсон — двоюродный брат Билли, — шериф кивнул на своего дубину-помощника.

— Хоть бы они нашли кузена Дэнни, — сказал Билли, уже во второй раз за день перестав улыбаться.

В этот момент до Арона наконец дошло, почему Билли казался ему таким знакомым. Он был точной копией Дэниела Олафсона, если бы того нарисовал карикатурист из журнала MAD [*«MAD» — знаменитый американский юмористический журнал — прим. пер.*]. Та же бледная кожа в веснушках, те же торчащие передние зубы и то же дурацкое выражение лица, только умноженное раз в десять.

— Мне жаль твоего кузена, Билли… То есть помощник Уильямс, — выразил свои соболезнования Арон.

— Спасибо. И можете звать меня просто Билли, — сказал он. — Только мама зовёт меня помощником Уильямсом. — Он хихикнул, будто это была самая смешная шутка на свете.

— Ну хорошо, Билли. Тогда можешь звать меня Ароном.

— Рад знакомству, Арон, — он снова расплылся в идиотской ухмылке.

«Куда я, мать его так, попал?» — уже в который раз Арон спросил сам себя.

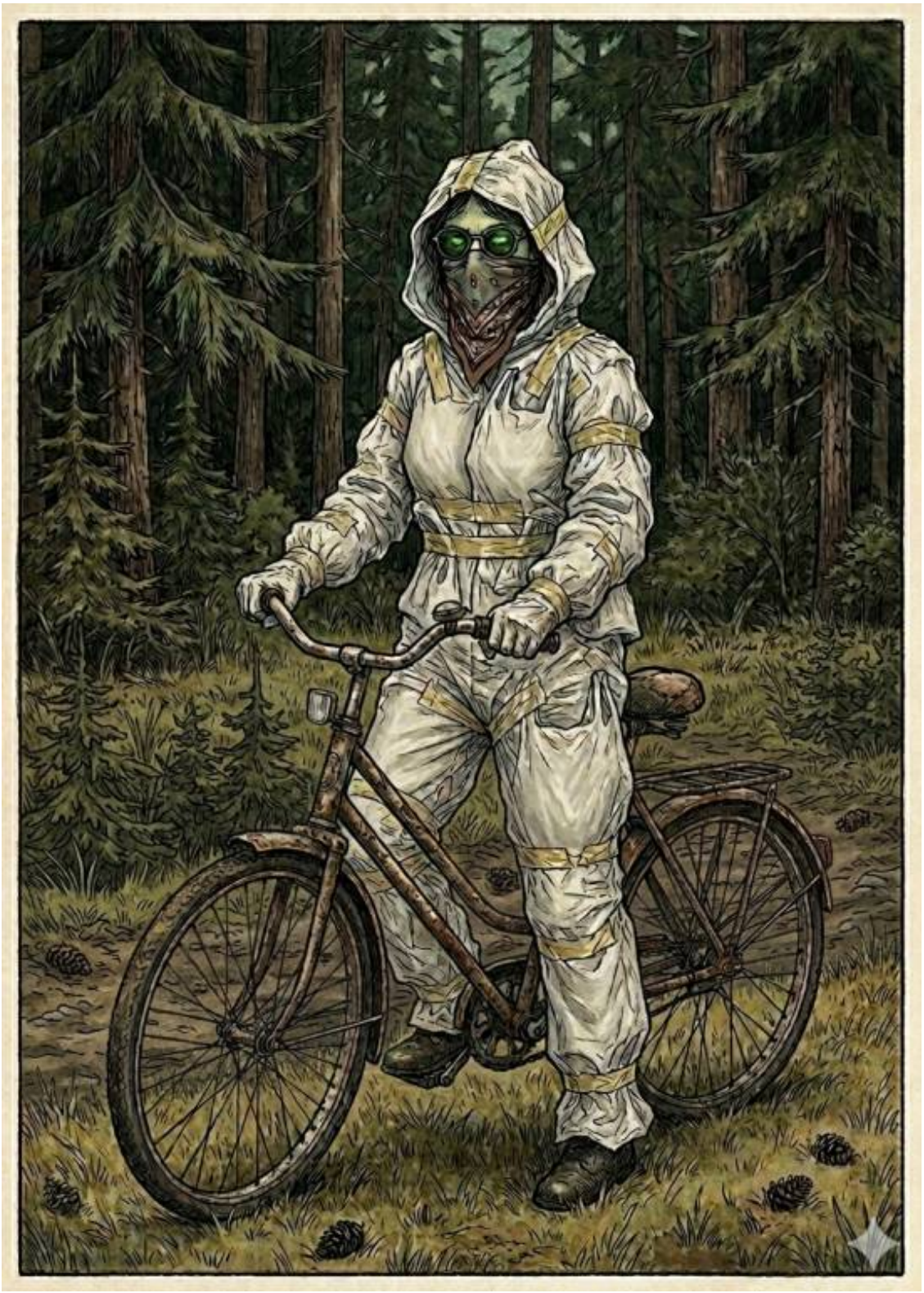
Когда они пересекли границу города, Арон увидел бездомную женщину, едущую по краю дороги на старом велосипеде. Высокая, она с ног до головы была закутана в белые пластиковые пакеты из супермаркета, скреплённые скотчем. Пакеты составляли нечто вроде импровизированного комбинезона с капюшоном. Нижнюю часть её лица скрывал сложенный платок на манер бандитов с Дикого Запада, а глаза прятались за солнцезащитными очками. Увидев полицейскую машину, она остановилась и помахала им. Шериф Келлогг и Билли ответили тем же.

— Кто это такая? — спросил Арон, когда они проезжали мимо бездомной.

— О, это просто Пакетная Леди [*англ. «bag lady» — разговорное обозначение бездомной женщины, носящей все свои вещи в пакетах или мешках; здесь также игра слов — прим. пер.*], — сказал Билли. — Она мне нравится. Она хорошая.

— Обычная местная сумасшедшая, — пояснил шериф. — Ничего особенного.

Арон повернулся и посмотрел на Пакетную Леди через заднее стекло. Женщина всё ещё стояла на обочине, провожая их взглядом. Он не знал почему, но она вызывала у него странное чувство. Ему казалось, будто сквозь тёмные очки её глаза смотрят прямо в его собственные. Он отвернулся.



Глава 3

После того как шериф высадил его у мотеля, они обменялись номерами телефонов и разошлись. Арон взял дорожную сумку и направился к «Хантер Инн». Мотель находился за чертой города и граничил с огромным сосновым лесом. Он состоял из двенадцати небольших одноэтажных деревянных домиков, расположенных в два ряда, и одного двухэтажного здания, где располагался главный офис. Ему сразу же понравилось это место — чистый воздух, живописные виды, излучающие уют. Всё это не шло ни в какое сравнение с дешевыми отелями на пыльных обочинах больших дорог, в которым ему обычно приходилось останавливаться.

Арон вошёл в здание и чуть не вскрикнул от удивления, увидев администратора за стойкой. За ней сидел подросток лет шестнадцати–восемнадцати. И это, пожалуй, был самый уродливый человек, какого Арон когда-либо видел. Он был очень худым, с ужасной угревой сыпью и огромной бугристой головой, которая в буквальном смысле имела форму картофелины. Созвездие прыщей и бородавок на лице, похожих на картофельные «глазки», только усиливало это сходство. Он сидел сгорбившись, погружённый в чтение.

— Могу я вам чем-нибудь помочь, сэр? — спросил юноша на удивление приятным голосом, подняв взгляд от книги.

— О да, — пробормотал Арон, оправляясь от шока. — Я хотел бы снять номер.

— Одноместный или двухместный?

— Одноместный, — ответил Арон, отчаянно стараясь не пялиться на него.

— Простите, но одноместные у нас закончились.

«Зачем тогда спрашивать?» — подумал Арон, но решил не спорить:

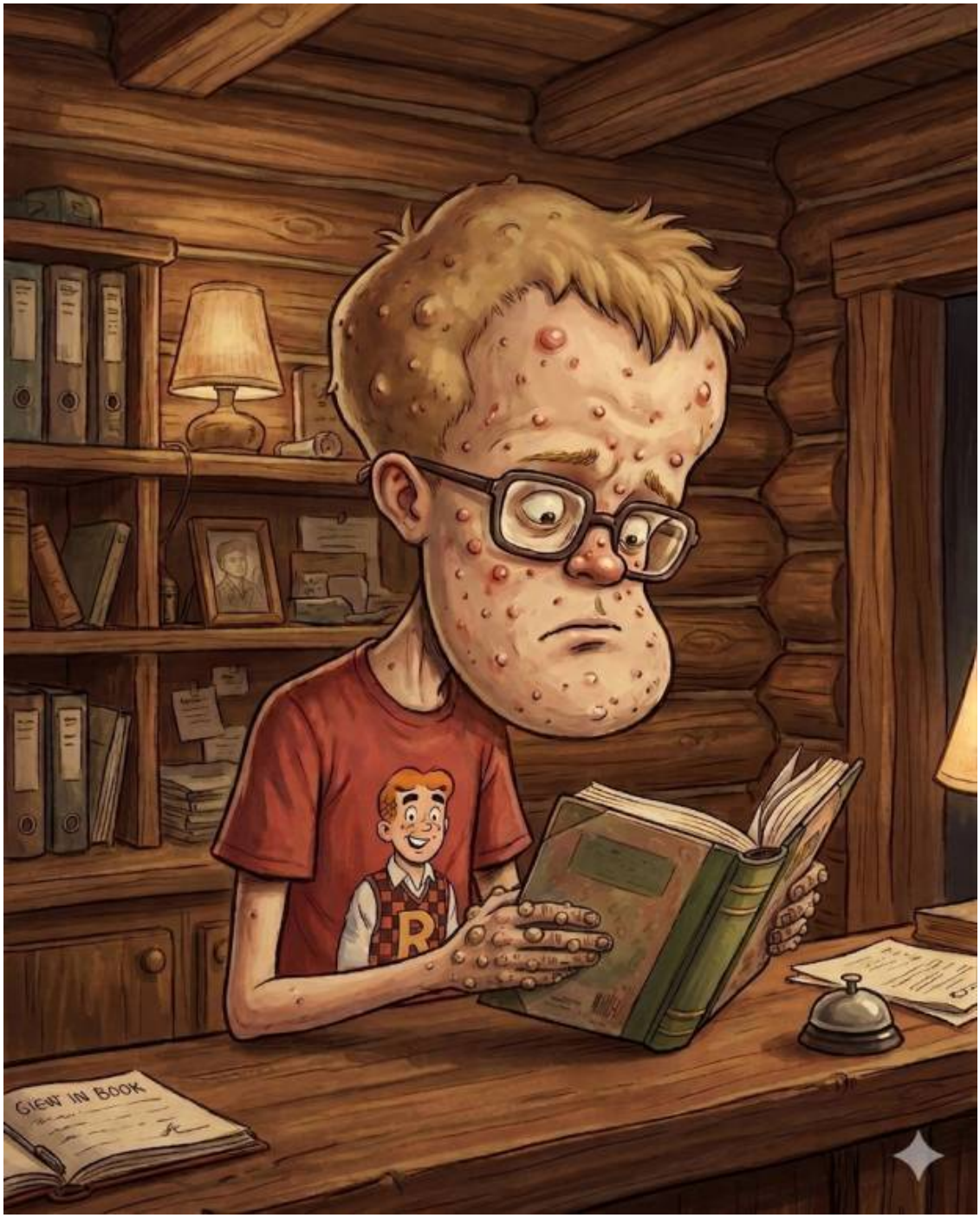
— Тогда двухместный, пожалуйста.

— Коттедж номер пять. — Парень положил ключи на стойку. У него были длинные тонкие пальцы, покрытые бородавками, с неухоженными грязными ногтями. Арон невольно вздрогнул.

— Спасибо. — Он схватил ключи, стараясь не смотреть на руки парня.

Оплатив номер, Арон обосновался в коттедже №5. Внутри было просторно и уютно: две кровати, телевизор и маленький холодильник. Арону понравился запах свежеспиленного дерева в комнате. Он глубоко вдохнул и шумно выдохнул, гадая, пахло ли в коттедже так же, когда его только построили. Он вспомнил, что на вывеске мотеля было написано: «Оказываем услуги с 1962 года». Но домик не выглядел и не пах так, будто простоял здесь более пяти десятилетий. Возможно, время от времени здесь строили новые коттеджи, когда старые начинали ветшать. В конце концов, постройки были деревянными, а дерево имеет свойство гнить.

Было около семи вечера — слишком рано, чтобы ложиться спать, и слишком поздно, чтобы осматривать достопримечательности города. Арон плюхнулся на одну из кроватей и включил телевизор. Листая каналы, он остановился на повторе сериала «Моя жена меня приворожила» [*англ. «Bewitched», популярный американский ситком 1964–1972 годов — прим. пер.*]. Ему всегда нравились старые шоу.



Вскоре его живот начал издавать квакающие звуки, будто он проглотил лягушку. Раньше такое постоянно случалось с ним на занятиях в школе и колледже. Он всё ещё отчётливо помнил то чувство неловкости, когда казалось, будто все смотрят только на него, молча осуждая за выходки его неконтролируемой пищеварительной системы, пока сам он мечтал провалиться сквозь землю. Теперь, когда Арон остался один, урчание в животе его ничуть не смущало — скорее даже забавляло. Он гадал, когда же его «желудочная лягушка» сдастся. Посмотрев на настенные часы, он увидел: 19:27. В животе продолжало квакать ещё три минуты. Прошло почти восемь часов с тех пор, как он ел в последний раз, но голода совсем не чувствовал. Он выключил телевизор и вытащил из заднего кармана небольшой пластиковый пакетик с волосами Элис Грин.

— Ну что ж, мисс Грин, пора поведать мне вашу историю. — Арон уставился на светлую прядь волос в пакете. Он положил пакетик под подушку, разделся догола, выключил свет и лёг в постель, закрыв глаза.

Он проворочался несколько часов, не в силах уснуть. Похоже, старый добрый Песочный Человек опять решил сэкономить на нём свой сонный песок. Арон часто страдал от бессонницы, но быстрая (или долгая) мастурбация обычно помогала ему провалиться в сон. Он обхватил член рукой и открыл в голове свой «ментальный банк для передёргивания», где хранилась его обширная коллекция фантазий и приятных воспоминаний. Прокрутив несколько сценариев из своего списка, он остановился на одном, в котором участвовала его школьная учительница математики, мисс Коггинс. Арон никогда не был силён в математике, поэтому мама наняла ему мисс Коггинс репетитором. Знаменитым математиком он так и не стал, но, по крайней мере, обзавёлся ценной фантазией, помогавшей усмирять гормональные всплески на протяжении долгого отрочества. Будучи взрослым, он никогда не возвращался к этому сюжету, но сейчас решил стряхнуть с него пыль.

Фантазия обычно начиналась с того, что он сидел рядом с мисс Коггинс за письменным столом у неё дома. Она была молода, ей едва перевалило за двадцать пять, и носила платье до колен. Ему только исполнилось семнадцать — он всё ещё ходил с прыщавым лицом и был худ как кочерыжка. Учительница не слыла первой красавицей в мире, но казалась вполне миловидной. Ему безумно нравились её короткие иссиня-чёрные волосы, подстриженные под каре. В этих грёзах мисс Коггинс объясняла ему что-то из учебника, пока его взгляд скользил под стол к её обнажённым лодыжкам и босым ступням. Она вытягивала стопы так, как умеют только женщины: пальцы ног выстраивались в одну линию с голенями, перенося вес на самые кончики. Арон думал, что во всей вселенной нет ничего сексуальнее вытянутых женских ножек. В штанах разбухала выпуклость. Мисс Коггинс это замечала. Его лицо краснело от стыда, но она лишь понимающе и едва заметно улыбалась. Затем она клала руку на его выпуклость и…

«Что за бред», — подумал Арон, отбрасывая устаревшую фантазию.

Его мысли начали переключаться на Элис Грин. Он тряхнул головой и попытался вызвать другой образ. Ничего не помогало. Все мысли и ментальные картины раздетых возбуждённых женщин таяли, а на их месте возникала лишь одна: обнажённое тело Элис, лежащее на холодном столе для аутопсии. Эрегированный член в его руке обмяк, и он, так и не закончив, погрузился в страну грёз.

Было темно. Арон открыл глаза и увидел, что всё ещё лежит на кровати в коттедже мотеля. Но он был не один. Рядом с ним лежала Элис. Не то безжизненное тело, которое он видел в морге, а живая, дышащая, из плоти и крови. Она повернулась на бок и посмотрела ему прямо в глаза. Её глаза были большими и зелёными, как два изумруда. Она улыбнулась.

Арон тоже повернулся на бок, лицом к ней.

— Привет, мисс Грин.

— Привет, Арон, — ответила девушка ангельским голосом.

— Ты знаешь моё имя?

— Да, конечно.

— Но мы никогда не встречались раньше.

Её улыбка была настолько очаровательной, что Арон снова почувствовал, будто влюбляется в неё.

— Встречались. Ты просто не помнишь.

— Где? — спросил Арон без особого интереса. Он знал, что видит сон, и полагал, что это лишь плод его воображения. Конечно, он никогда не встречал Элис раньше. Ведь так?

— Это действительно тот вопрос, который ты хочешь мне задать, агент Садовски? — Она приподняла голову с подушки, подпирая её правой рукой.

— Нет.

— Тогда спрашивай.

Арон не знал, было ли это одно из его видений или просто обычный сон, но всё равно решил рискнуть.

— Что произошло на озере Откон? Кто тебя убил?

— Боюсь, я не могу ответить на этот вопрос. — Она покачала головой с невозмутимым выражением на своём прекрасном личике, будто он спросил её о чём-то обыденном, а не об её собственном убийстве.

— Почему?

— Потому что я на самом деле не Элис Грин.

— Тогда кто ты?

Девушка тяжело вздохнула.

— Я всего лишь малая часть её остаточной энергии, которая исходит от пряди волос под твоей подушкой, смешанная с твоим собственным воображением. Если хочешь узнать, кто убил Элис, тебе нужно отправиться к источнику её энергии и спросить её лично, — пояснила она.

— Я не понимаю.

Она бросила на него взгляд в духе «ну ты и глупыш», прежде чем продолжить:

— Эти видения, которые ты видишь в своих снах... думай о них как о картинке в телевизоре. Не современном кабельном, а старом ящике с антеннами-«рожками».

Пока она это говорила, пара антенн медленно выдвинулась из её макушки, словно для демонстрации. Это зрелище тут же напомнило Арону дядю Мартина из сериала «Мой любимый марсианин». Девушка продолжила:

— Чтобы увидеть изображение, твоя антенна должна поймать сигнал — электромагнитные волны, транслируемые телестанцией. Если сигнал слабый, картинка будет низкого качества, с рябью и шумом. Если вкратце: видения — это трансляция, а твоя звёздчатая опухоль — антенна. И прямо сейчас, агент Садовски, я всего лишь изображение в низком разрешении, затерянное в помехах.

С этими словами она улыбнулась в последний раз, прежде чем превратиться в силуэт из статических помех. Затем она замерцала и исчезла, оставив после себя лишь пустую вмятину на кровати.

Арон лежал, уставившись на пустое место, словно застыв во времени, пока на прикроватной тумбочке не зазвонил мобильный телефон.

Глава 4

Он пролежал в постели с закрытыми глазами ещё несколько мгновений, прежде чем понял, что телефон звонит не только в его сне, но и наяву. Приподнявшись, Арон посмотрел на левую половину кровати — место всё ещё было пустым. Телефон продолжал разрываться. Взглянув на настенные часы, Арон увидел, что уже 23:25. Кто мог звонить ему в такой час? Он взял телефон и увидел на экране имя шерифа Келлогга.

— Здравствуйте, шериф. Всё в порядке?

— Привет, агент Садовски, — бодро ответил тот. — Всё отлично. Я поговорил о вас с нашим мэром, и она очень хочет с вами познакомиться. Она устраивает сегодня небольшую вечеринку, и вы приглашены.

Арон снова посмотрел на часы. Он не мог понять, пьян шериф или шутит.

— Уже почти полночь, шериф, — ответил он с холодком в голосе. — Вам не кажется, что для приглашения на вечеринку немного поздновато?

Шериф не сдавался:

— Знаю, что поздно и неуместно, но поверьте, вы мне ещё спасибо скажете. Вечеринки мэра Уинтроп — единственные в своём роде. К тому же, чем ещё заняться в такой тихий скучный вечер?

Арон хотел сказать, что в такой тихий скучный вечер он собирался спать, но не успел и рта открыть, как шериф сообщил, что заедет через десять минут, и повесил трубку. Арон в недоумении уставился на телефон. Что, мать его так, тут происходит?

В итоге он пришёл к выводу, что всё равно уже не уснёт, так что можно и сходить на эту «единственную в своём роде» вечеринку.

Встав с кровати, Арон умылся и оделся. Он не знал, каков дресс-код на подобных мероприятиях, но с учётом полуночного приглашения решил выбрать повседневный стиль: джинсы и футболка на выпуск.

Сидя на кровати в ожидании шерифа, он мысленно вернулся к недавнему сну. У него никогда не было ничего подобного. Обычно он видел картины преступлений, но никогда не вступал в контакт с миром духов. Несмотря на интерес к паранормальному, он никогда по-настоящему не верил ни в призраков, ни в загробную жизнь. Конечно, всё это могло быть лишь плодом его воображения, но сон казался слишком реальным, и в аналогии Элис между его «даром» и телевизионным сигналом определённо присутствовала доля истины.

Арон засунул руку под подушку и нащупал маленький пластиковый пакетик с волосами девушки. Немного подумав, он переложил его в карман. Согласно видению, Элис не могла сказать, кто её убил, потому что «сигнал» от волос был слишком слабым, и чтобы получить «хороший приём», ему нужно было отправиться прямиком к источнику — то есть к телу самой Элис. Проблема заключалась в том, что видения приходили к нему только во сне, а это означало, что ему придётся спать рядом с трупом. Он был уверен, что ни шериф Келлогг, ни доктор Ани этого не одобрят. Да и сам он был не в восторге от такой затеи, но в глубине души понимал, что должен найти способ это сделать, если хочет раскрыть дело.

Размышления Арона прервал стук в дверь. Он встал и открыл её.

— Вы готовы? — спросил шериф Келлогг. Он был в своей полицейской форме, а на лице сияла идиотская улыбка, словно позаимствованная у его помощника.

— Да, идёмте, — холодно ответил Арон. Но лёд в его голосе ничуть не сбавил благодушного настроя шерифа.

— Я думал, вы, ребята, всегда носите деловые костюмы, — сказал шериф, разглядывая повседневную одежду Арона, пока они шли к машине.

— Не верьте всему, что показывают в кино, — он открыл пассажирскую дверь и запрыгнул внутрь. — К тому же я не оперативный агент ФБР, я скорее по части криминалистики.

— То есть вы типа учёный? — шериф завёл мотор и тронулся с места.

— Скорее, что-то вроде специалиста по экстрасенсорике, — ответил Арон. Ему не нравилось распространяться о своих способностях, но, чтобы попасть в морг к Элис, требовалось расположить шерифа к себе, и честность казалась лучшей стратегией.

— В смысле как ясновидящий? — спросил шериф, и в его глазах промелькнуло недоверие.

— Да, как ясновидящий, — с трудом согласился Арон.

— Значит, вы можете читать мысли, видеть мертвецов или что-то в этом роде?

— Нет, ничего такого я не умею, — сказал Арон, решив умолчать о своём недавнем опыте с «призраком» Элис Грин. — Но я могу видеть картины преступлений во сне, если засыпаю, держа в руках какую-то улику с места происшествия.

— Что ж, звучит... полезно, — произнёс Джим, тщательно подбирая слова. — Так вот зачем вы сегодня отрезали прядь её волос? У вас уже есть мысли, кто её убил?

Арон мысленно вздохнул с облегчением. По крайней мере, шериф не смотрел на него как на сумасшедшего.

— Хорошая наблюдательность, шериф. И нет, я пока не знаю, кто её убил. Экстрасенсорный сигнал от волос оказался слишком слабым. В моих прошлых делах я видел чёткие картины происшедшего, имея лишь клочки одежды убитых. Волосы же всегда давали стопроцентный результат, но... с этим случаем что-то не так.

Шериф молчал. Арон не был уверен, верит ему тот или нет, но решил продолжать:

— Я знаю, это звучит безумно, но это правда. ФБР завербовало меня только из-за моего дара.

— О, я-то как раз верю, — сказал шериф. — И пожалуйста, давай на «ты». Зови меня Джимом. «Шериф» звучит слишком официально.

— Хорошо, Джим, — с облегчением ответил Арон. Он был почти уверен, что шериф вот-вот развернёт машину и отвезёт его в ближайшую психушку. — Тогда зови меня Ароном. Слушай, а почему ты так легко мне поверил?

— Веришь или нет, но ты не первый ясновидящий, которого я здесь встречаю.

— Да? — Арон был искренне удивлён. — И кто же был первым?

— Элис Грин.

У Арона отвисла челюсть. Он знал, что есть и другие люди, подобные ему. Некоторые из них даже работали с ним в отделе экстрасенсорного восприятия, но он всё равно был поражён тем, что именно Элис обладала даром.

— Элис Грин? Она что, тоже видела преступления в своих снах?

— Насчёт этого не знаю, но весь город знал, что она была довольно... необычной особой. Однажды, когда ей было лет пять или шесть, она сказала своей воспитательнице в детском саду, мисс Сноу, что у той в заднице живут четыре маленьких монстра и едят её заживо изнутри.

— В чьей заднице?

— Конечно же, у мисс Сноу, — пояснил Джим. — Поначалу мисс Сноу отмахнулась, решив, что это глупая шутка. Но через несколько дней заметила кровь в кале и пошла в больницу. Врачи нашли в её прямой кишке четыре полипа, которые находились на начальной стадии перерождения в колоректальный рак. Ей повезло — опухоли удалили на самой ранней стадии без тяжёлых последствий. И это только один пример. В детстве Элис предсказывала такие вещи, как авиакатастрофы, теракты и стихийные бедствия. Но всё это прекратилось, когда она стала старше. Не знаю, угас ли её дар с возрастом или родители просто велели ей помалкивать.

— Эта история с мисс Сноу звучит довольно лично. Как ты об этом узнал? — спросил Арон, приподняв бровь.

— Мы с мисс Сноу когда-то были любовниками. Сразу после того, как моя благоверная преставилась.

— Прости. Я не знал про твою жену.

— Не стоит. Она была той ещё стервой, — сказал он, скривив губы, чтобы подчеркнуть своё презрение к покойной.

— Понятно. — Арону стало неловко, и он решил сменить тему, пока шериф не углубился в подробности своей личной жизни. — Скажи, проявлял ли кто-нибудь ещё из пропавших признаки особых способностей?

— Да не особо, — Джим потёр небритый подбородок. — По крайней мере, не так, как Элис. Ну, её парень Дэнни... он был совсем как его кузен Билли.

— Психически больным? — осторожно осведомился Арон, не зная, как шериф отреагирует на то, что тот знает правду о его помощнике.

К его удивлению, Джим, похоже, ничуть не обиделся.

— Боже, нет. Ну, он был тугодумом, но не до такой степени. Я хотел сказать, что он был физически силён — в точности как Билли, а Билли силён как бык. Например, он мог запросто приподнять заднюю часть этой машины, даже не вспотев.

Вспомнив колоссальное телосложение недотёпы-помощника, Арон не усомнился в словах шерифа.

— А остальные?

— Руби Кармайкл отлично пела, а у Дэвида Ханаса была фотографическая память, но в остальном это была вполне обычная компания молодых людей.

— Они всегда были близки? — спросил Арон. — Я имею в виду, все шестеро?

— Не разлей вода, — ответил Джим. — Неразлучны с самого детства. Мы их даже в шутку прозвали «белобрысой бригадой».

За разговором они наконец прибыли в пункт назначения — резиденцию мэра Сендама. Её окружал высокий кованый забор с просторным двором перед домом. Сам особняк был сложен из массивных горизонтальных брёвен. Когда машина шерифа приблизилась к воротам, они автоматически распахнулись, пропуская их во внутренний двор.

— Боже мой, ну и махина, — пробормотал Арон, разглядывая особняк.

— Дорого и со вкусом, — с гордостью сказал Джим, словно всё это принадлежало ему.

К дому примыкала большая мощёная булыжником площадка, служившая парковкой; она была забита дорогими, в основном европейскими автомобилями. Шериф припарковался между двумя странного вида итальянскими авто, и они направились к парадным дверям.

Большую часть первого этажа занимал огромный зал с рядами круглых столов, уставленных едой. Арону это место больше напоминало клуб, чем жилой дом. В помещении было полно людей. Джентльмены пришли в дорогих деловых костюмах, а дамы в длинных вечерних платьях. Все они прохаживались между столами, брали угощения, выпивали и общались. В углу струнный ансамбль исполнял классическую музыку. Арон посмотрел на часы. Было двадцать пять минут первого. Так поздно тусовались только какие-нибудь безбашенные подростки, а самым молодым здесь было далеко за сорок.

«Ну и странный городок», — подумал он, пробираясь вместе с шерифом сквозь толпу. По пути Джим представлял его разным господам и их супругам. Все гости мэра составляли элиту города — местные бизнесмены, адвокаты, врачи, даже судья, — что делало их ночные гуляния ещё более странными.

— Странно, я не вижу госпожу мэра, — сказал Джим, озираясь по сторонам.

Мочевой пузырь Арона, имевший обыкновение активизироваться по ночам, дал о себе знать.

— Ты не знаешь, где здесь туалет?

— Вон там. — Джим указал на деревянную дверь в конце зала.

— Спасибо.

Закончив мочиться, он тщательно стряхнул остатки, застегнул ширинку и подошёл к раковине, чтобы вымыть руки. Но не успел он сделать и пары шагов, как почувствовал как несколько предательских капель выскочили из уретры и начали расплываться по ткани его нижнего белья, словно чернила по промокашке.

— Твою мать! Серьёзно? — сердито прошептал он, глядя на ширинку, чтобы проверить, не проступило ли пятно сквозь джинсы. К счастью, обошлось. Он вымыл руки и вернулся в зал, всё ещё ощущая неприятную влажность.

Джим стоял с высокой женщиной в длинном красном платье, они болтали и пили шампанское. Увидев Арона, шериф поманил его рукой.

— Что я здесь делаю? — прошептал Арон себе под нос, направляясь к ним.

— Госпожа мэр, позвольте представить вам специального агента ФБР Арона Садовски, — объявил Джим. — Арон, это мэр Эвелин Уинтроп.

— Рада знакомству, агент Садовски. — Мэр Уинтроп протянула ему руку для поцелуя.

Арон никогда раньше не вращался в высшем свете и видел, как мужчины целуют руки дамам, только в старых фильмах. Он взял её ладонь и неуклюже прикоснулся губами, чувствуя себя полным идиотом.

— Взаимно, госпожа мэр.

— О, прошу вас, зовите меня Эвелин. — Она улыбнулась. — Мы здесь все друзья.

Эвелин была высокой женщиной лет пятидесяти с сильным, но приятным голосом. Несмотря на возраст, она выглядела крайне эффектно: длинные платиновые волосы, волевой подбородок, аккуратный носик и яркие зелёные глаза. В ней сочетались сила и женственность — вылитая королева амазонок или валькирия из скандинавской мифологии.

— С моей стороны это было бы крайне неуместно, — сказал Арон.

— Я настаиваю, агент Садовски. — Она снова улыбнулась.

— Хорошо, я попробую, — Арон улыбнулся в ответ. — Тогда и вы зовите меня Ароном.

— Если вы не возражаете, я продолжу называть вас «агент Садовски». Это звучит так мужественно. — Она подмигнула ему. Арон покраснел, как школьник.

— Прошу меня простить, мне пора идти, — сказал шериф Келлогг. — У меня утром срочные дела. А вы тут развлекайтесь. — Прежде чем Арон успел что-то сказать, шериф кивнул госпоже мэру и быстро зашагал прочь.

Арон лишился дара речи. Сначала Джим пригласил его на эту вечеринку, а теперь просто бросил, даже не предложив подбросить до мотеля.

«Какого чёрта!» — подумал он.

— Мне, пожалуй, тоже пора, — сказал Арон, чувствуя себя преданным. — Уже очень поздно.

— Вы ведь только пришли, — Эвелин коснулась его руки. — Пожалуйста, останьтесь, агент Садовски. Вечеринка только началась.

— Сейчас почти час ночи.

— Так ведь сегодня пятница, — возразила она. — К тому же мы всегда начинаем в это время. Вам нужно расслабиться, агент Садовски. Вот, выпейте шампанского. — Она взяла бокал с ближайшего стола и протянула ему.

— Спасибо, госпожа мэр... то есть Эвелин. — Арон взял бокал и сделал глоток. Шампанское было отличным, и он предположил, что ещё и очень дорогим. У мэра Уинтроп был не только вкус, но и деньги. Большие деньги.

— Итак, расскажите мне больше о вашем деле. У вас есть какие-нибудь зацепки или теории о том, кто мог похитить всех этих молодых людей?

— Пока рано говорить о похищении. Насколько мне известно, они могли просто заблудиться в лесу.

— А как же бедняжка Элис? Разве её не убили? Я полагаю, тот, кто расправился с бедной девочкой, похитил и остальных. — Эвелин посмотрела на него ярко-зелёными глазами, в которых будто светился внутренний свет, пронзавший его насквозь.

— Это логичное предположение, но повторюсь: признаков травм или отравления не обнаружено, и нельзя исключать, что она умерла по естественным причинам.

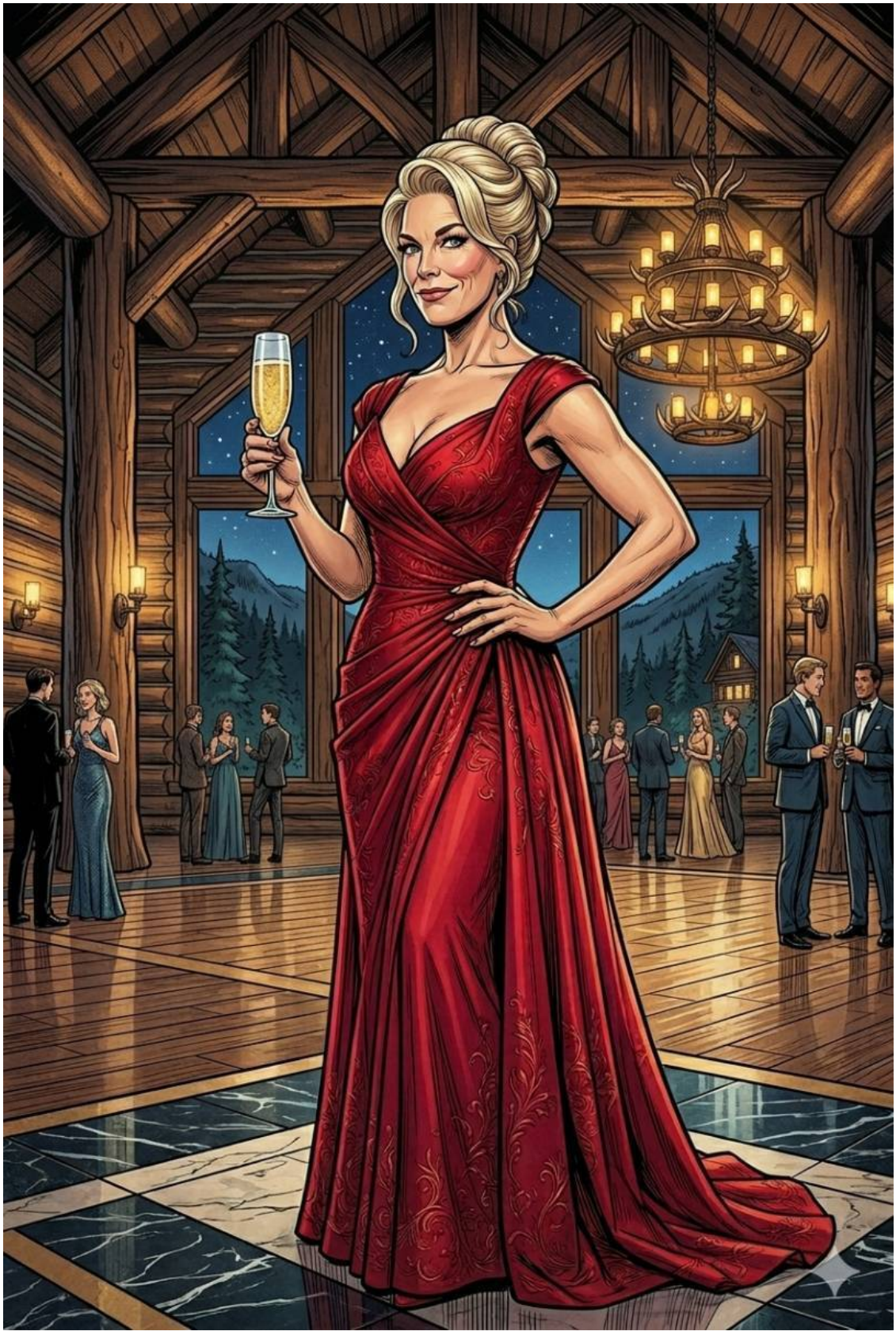
— Вам не кажется это немного странным? — Она сделала ещё глоток шампанского. — Три молодые пары исчезают в лесу, а затем одну из них находят обнажённой и умершей от естественных причин? Будь я азартным игроком, я бы поставила на то, что девушку убили.

— Я тоже, — согласился Арон, — но, как вы наверняка понимаете, я пока не могу делать публичных заявлений об убийстве.

— О да, поверьте мне, я понимаю это лучше, чем кто-либо другой. — Эвелин допила шампанское, поставила пустой бокал на стол и взяла новый. — Это дело и для меня стало тяжёлым бременем. Люди постоянно просят меня что-то предпринять, потому что больше не чувствуют себя в безопасности. Но, честно говоря, всё, что я могу предложить — это молитвы и пустые обещания. Видимо, это делает меня довольно типичным политиканом.

— Не волнуйтесь, госпожа мэр. Обещаю, я сделаю всё возможное, чтобы раскрыть это дело.

— Надеюсь на это. — Она снова улыбнулась. — Но давайте забудем обо всём этом ненадолго. Расскажите немного о себе.



Они проболтали ещё около получаса. Арону нравилось находиться рядом с Эвелин. В ней присутствовал тот природный магнетизм, который притягивает мужчин, словно мотыльков на

свет. Она продолжала расспрашивать его о нём самом. Он рассказал ей историю своей жизни, тщательно избегая любых упоминаний о своих «суперспособностях». Оказалось, что без его «счастливой звезды» история его жизни звучала чертовски скучно.

— Знаете, вы очень интересный человек, — сказала Эвелин спустя некоторое время.

— Неужели? — спросил Арон, удивлённый тем, что рассказ о его заурядной жизни мог вызвать у неё такой интерес.

— Да, — заверила она. — Пойдёмте. Я хочу вам кое-что показать.

Она развернулась и направилась к лестнице. Арон последовал за ней. Они поднялись на второй этаж. Там было на удивление тихо и пусто. Эвелин отвела его в свою просторную спальню и заперла дверь, как только они вошли. В комнате царил полумрак, лишь лунный свет пробивался сквозь окно, заливая всё серебристым сиянием.

— Что мы здесь делаем? — спросил он, чувствуя себя неловко.

Мэр подошла к окну, повернувшись к нему спиной. Затем она расстегнула платье. Арон наблюдал, как наряд соскользнул на пол. К его удивлению, под платьем ничего не было.

— Ты совсем без одежды, — пробормотал он в замешательстве.

— Очень проницательное наблюдение, агент Садовски. Но разве мы все не голые под одеждой? — Она повернулась к нему и сделала шаг навстречу. Лунный свет очерчивал её аппетитные формы. Несмотря на возраст, госпожа мэр выглядела великолепно. Она не была худой как модели, но была сильной и крепкой, словно профессиональная спортсменка. Арон заметил, что её правая грудь была заметно больше левой, но почему-то это делало её только ещё сексуальнее.

— А как же твои гости внизу? — спросил он, чувствуя, как кровь приливает к паху.

— Они уже большие мальчики и девочки. Уверена, им весело и без меня. — Эвелин подошла вплотную и провела тыльной стороной ладони по его подбородку. Внезапно она схватила его за волосы, силой опустила на колени и вжала его лицо себе между ног. Она была сильной. По-настоящему сильной. Дурманящий запах её феромонов вызвал волну желания во всём его теле. В этот момент разум Арона отступил перед животной натурой, и он жадно впился в её лоно.

Казалось, они занимались любовью часами. Он кончил по меньшей мере раза три, прежде чем они оба уснули на кровати Эвелин. Ему приснился сон, в котором он шёл по заросшему травой полю, неся в руках стопку бумаг: отчёт по делу для заместителя директора. Ему нужно было сделать копии документов, но он нигде не мог найти копировальную машину. Побродив вокруг, он наконец обнаружил массивный ксерокс, наполовину вросший в большой куст шиповника прямо посреди поля. Он открыл крышку и положил первую страницу на стекло сканера, больно уколов палец о шип на ближайшей ветке.

В следующий момент он оказался на заднем сиденье движущегося автомобиля, держа на коленях маленький портативный сканер. На устройстве всё еще было несколько прилипших к нему мокрых травинок с поля. Ему было неважно, где он находится и как попал в эту машину, — нужно было отсканировать отчёт, ибо это казалось невероятно важным. Или всё-таки сделать копию? Нет, определённо отсканировать. Он поднял крышку, положил первую страницу на стекло и закрыл её. Несмотря на то, что сканер не был подключён к сети, он издал серию сердитых скрипящих звуков и заработал. Арон обрадовался, что наконец-то сможет закончить задачу. Пока прибор обрабатывал страницу за страницей, Арон поднял глаза. Водителя не было видно, но он предположил, что за рулём его мать. Она всегда возила его с братом… Стоп, с каким братом? Его брат умер ещё при рождении! Внезапно что-то громко хлопнуло, и машина остановилась.

— О-оу! Кажется, у нас спустило колесо, — произнёс водитель, выходя наружу. Арон всё ещё не видел его лица, но голос определённо был женским.

Он тоже вышел из машины и посмотрел на задние колёса. На улице стояла такая жара, что обе шины расплавились, прилипнув к асфальту, как чёрный сыр. Арон огляделся. Водитель исчез. Дорога, на которой он стоял, тянулась через бесконечное поле высокой травы, словно застывшая река чёрной смолы. Но он был не один. На обочине, в нескольких футах от него, стоял ютился домик. Постройка выглядела слишком маленькой для взрослого человека, так что Арон предположил, что там живёт семья карликов (или гномов). Рядом стоял его старый друг. Арон не мог вспомнить его имя или где они познакомились (школа, колледж, работа?), но точно знал, что это приятель из прошлых времён.

— Вот дерьмо, чувак, — сказал тот, подходя ближе. Арон всё ещё не мог разглядеть его лица, но видел, что тот одет в пропотевшую белую футболку и джинсовый комбинезон, прямо как стереотипный фермер-рэднэк. — Застрять на дороге в такую погоду... — Он покачал головой.

Вдруг Арон заметил, что поле и домик укрыты толстым слоем снега. Его приятель уже стоял в тёплой шубе и шапке-ушанке. Он снова раздосадованно покачал головой и жестом пригласил Арона войти.

— Не ходи с ним, — раздался из машины женский голос, совсем не похожий на голос предыдущего водителя. Арон заглянул в окно и увидел за рулём Элис Грин. Он оглянулся на «друга» и обомлел: перед ним стоял шериф Келлогг. Тот находился ровно на том же месте и манил его внутрь, повторяя одно и то же движение, словно сломанный робот. Арон развернулся к машине, дёрнул дверцу и сел на пассажирское сиденье. Элис завела мотор, и автомобиль сорвался с места. Взглянув в зеркало заднего вида, Арон увидел, что шериф всё так же стоит у дома, улыбаясь и механически повторяет тот же жест.

— Это сон? — спросил Арон, повернувшись к Элис. На ней было красивое зелёное платье с короткой юбкой, едва прикрывавшей бледные колени.

— Смотря что ты вкладываешь в понятие «сон», — она вжала педаль газа в пол, и машина рванула вперёд со скоростью ракеты. — Это реальность, а то, что снаружи — лишь сон? Или реальности вообще не существует, и мы просто застряли в бесконечном цикле снов, вложенных друг в друга, как космическая матрёшка?

Пока машина неслась сквозь расплывающееся пространство, Арон почувствовал, как в душу закрадывается липкий страх.

— Не могла бы ты немного притормозить? — попросил он, упираясь руками в приборную панель. — Ты едешь слишком быстро!

— А разве это имеет значение? — спросила она, ещё сильнее выжимая газ. — Если это просто сон, мы можем делать всё, что захотим, и нам ничего не будет!

— Так это сон или нет?! — в гневе выкрикнул Арон ровно в тот миг, когда они во что-то врезались на полном ходу.

Глава 5

Арон проснулся, так и не получив ответа на свой вопрос. Он сел в постели и огляделся. Эвелин рядом не было. Спальня была пуста. Он встал и начал собирать свою одежду, разбросанную по полу.

«Старый сукин сын был прав, — подумал Арон. — Госпожа мэр действительно закатила чертовски крутую вечеринку».

Натягивая свои семейники, он осознал, что они вчера не использовали презервативы, и это было весьма странно. Обычно Арон был в этом вопросе крайне осторожен. Мысли о ребёнке пугали его до чёртиков.

«Я искренне надеюсь, что у госпожи мэра уже наступила менопауза. Иначе я серьёзно влип, — размышлял он, одеваясь. — В каком возрасте у женщин вообще наступает климакс? В пятьдесят? В шестьдесят? И о чём я, чёрт возьми, думал, когда вообще ложился с ней в постель? Я же знал её от силы полчаса!»

Последняя мысль была полной чушью, и глубоко в душе он это отлично понимал. Секс с Эвелин был его лучшим сексом за последние годы. Может, даже лучшим в жизни, и он никогда не будет по-настоящему жалеть о содеянном.

— Да, странный у них тут городок, — пробормотал он себе под нос.

Было половина одиннадцатого утра. Он спустился на первый этаж и позвал Эвелин. Ответа не последовало. Особняк казался пустым.

— Всё чудеснее и чудеснее! — процитировал Арон героиню своей любимой книги, проходя мимо пустых столов.

Его мочевой пузырь был переполнен, поэтому перед уходом он решил облегчиться. Он подошёл к туалету и открыл дверь. Там было темно, но он заметил нечто лежащее на полу, напоминающее дышащую кучу колышущейся плоти. Он включил свет и увидел, что эта куча — тучный мужчина лет шестидесяти с густыми седыми усами и лысеющей головой с зачёсом. На нём был костюм-тройка, стоивший не меньше половины месячной зарплаты Арона. Арон узнал в нём одного из гостей вечеринки. Мужчина был мертвецки пьян и спал на боку, как огромный морж, выбравшийся на льдину отдохнуть. Его пышные усы комично подёргивались, пока он что-то жевал во сне.

«Похоже, не я один вчера хорошенько повеселился», — подумал он, стараясь не рассмеяться.

— Сэр? С вами всё в порядке? — спросил он, сдерживая смех.

Усатый не ответил. Арон несколько раз легонько пнул его в жирное плечо, но безрезультатно. Тем временем его мочевой пузырь вопил от агонии, умоляя об избавлении от мук. В конце концов Арон схватил человека-моржа за ноги и попытался вытащить его наружу, но тот оказался тяжёлым, как настоящий морж. Он словно прирос к полу, и Арон не смог сдвинуть его ни на дюйм. Более того, пока он боролся с грузным пьяницей, напряжённые мышцы живота надавили на мочевой пузырь, выдавив несколько капель наружу.

— Господи Иисусе! Жирный ты кусок дерьма! — в гневе выругался Арон.

После ещё нескольких неудачных попыток он наконец сдался. Перешагнув через жирдяя к унитазу, он расстегнул ширинку и начал мочиться. К несчастью, сегодня явно был не его день и всё шло через одно место.

Маленький лобковый волосок прилип к его уретре на засохшей сперме, разделив струю мочи надвое. Пока верхняя струя била куда-то за унитаз, нижняя попала прямо на его правый ботинок, срикошетила и обдала лицо человека-моржа, чья голова лежала как раз у его ног. «Морж» издал несколько сердитых звуков, когда на его лицо попали мелкие капли мочи, словно утренняя роса на траву, но быстро уснул снова, дожёвывая что-то вкусное в мире грёз.

— Твою мать! — заорал Арон, задирая член повыше, чтобы избежать новых инцидентов. К этому времени проклятый лобковый волосок наконец отклеился, и струя вернулась в норму, забрызгивая унитаз госпожи мэра и снова рикошетя прямо в лицо человека-моржа.

— Да вы издеваетесь! — снова выкрикнул он.

Наконец закончив процесс мочеиспускания, он взял моток туалетной бумаги и тщательно вытер сначала свои ботинки, потом ободок унитаза и пол вокруг него. Закончив убирать весь этот беспорядок, Арон посмотрел на гостя Эвелин и просто не смог сдержаться. Его пробрал такой неконтролируемый приступ истерического смеха, что его согнуло пополам от натуги. Только страх того, что у него в мозгу лопнет сосуд, заставил его остановиться. Придя в себя, Арон почувствовал уколы совести. Он отмотал ещё бумаги и осторожно вытер усатую физиономию спящего. Тот снова издал гневные звуки, но так и не проснулся. Арон решил убраться отсюда как можно скорее, пока его никто не застукал.

Выходя за ворота, он представлял себе возможные заголовки в местных газетах: «Спецвыпуск! Федеральный агент обоссал влиятельного бизнесмена прямо в доме мэра после секса с самой госпожой мэром». Он снова прыснул от смеха.

«Не смешно, приятель, — попытался он успокоить сам себя. — Вообще не смешно. Тебе повезло, что никто этого не видел».

Главные ворота были заперты, но маленькая калитка рядом оказалась открытой. Выйдя за пределы территории особняка мэра, он нашёл в телефоне местную службу такси. Машина приехала минут через пять, и Арон попросил водителя отвезти его в ближайшую закусочную. Он уже и не помнил, когда ел в последний раз, и его желудок грозил переварить сам себя в безумном акте самоканнибализма.

Пока они ехали к закусочной, Арон заметил на обочине человека на велосипеде. Это была женщина в самодельном костюме из белых пластиковых мешков для мусора, скреплённых скотчем. Та самая «Пакетная Леди», которую он видел вчера с шерифом. Когда такси проезжало мимо, она остановилась и помахала им рукой. Арон не видел её лица за косынкой и тёмными очками, но мог поклясться, что она улыбалась. И это была не добрая улыбка в стиле «хорошего вам дня, мистер», а зловещая, недобрая ухмылка. Арона передёрнуло, совсем как в прошлый раз, но он всё же медленно поднял руку и нехотя помахал в ответ. Он не понимал, почему эта, казалось бы, безобидная бездомная внушает ему такой ужас, но уже начал осознавать: в этом чокнутом городе всё не то, чем кажется. К тому же Арон привык доверять своим инстинктам — они раз за разом оказывались правы.

Таксист высадил его у классической американской закусочной в стиле 60-х — с отделкой из нержавеющей стали и музыкальными автоматами в каждой кабинке. Войдя внутрь, он увидел доктора Ани. Тот сидел один у окна и жевал гамбургер. Арону не хотелось ни с кем разговаривать, но было поздно. «Безумный учёный» уже заметил его и с широкой улыбкой на своём уродливом лице приглашающе махнул рукой. Арон пробормотал проклятие и вяло поплёлся к его столику.

— Агент Садовски! Как приятно вас видеть, — сказал он со своим немецким акцентом, продолжая улыбаться. — Пожалуйста, присоединяйтесь ко мне.

— Здравствуйте, доктор Ани, — ответил Арон, скрывая недовольство за дежурной улыбкой. — Спасибо за приглашение.

Как только он сел напротив, подошла официантка. Арон, голодный, как волк, заказал гамбургер, картошку фри, яичницу, бекон и чашку крепкого кофе. Официантке было под пятьдесят, у неё был приятный южный акцент. Пока она записывала заказ, Арон взглянул на её бейджик: её звали Дарлин. Когда она ушла, он от нечего делать начал изучать имена других официанток: Джоанна, Венди, Долорес и ещё одна Долорес. Все пятеро выглядели одинаково. Примерно одного возраста, комплекции, роста, даже причёски у всех были идентичны. Лица

тоже казались очень похожими. Различался только цвет волос: Долорес №1 и Джоанна были русыми, Долорес №2 и Венди — брюнетками, а Дарлин — рыжей.

Внезапно всё вокруг показалось Арону фальшивым, словно это была постановка какого-нибудь теневого правительства или иллюминатов. Клонированные официантки и карикатурный «безумный учёный», который «совершенно случайно» оказался здесь одновременно с ним. Всё выглядело слишком чистым, слишком ярким, слишком идеальным. Закусочная теперь напоминала декорации к фильму 60–70-х, а люди — актёров.

— С вами всё в порядке, агент Садовски? — с беспокойством спросил доктор Ани, глядя на него сквозь толстенные линзы своих нелепых очков. — Вы как будто на мгновение выпали из реальности.

— Да, — ответил Арон, стряхивая нахлынувшее наваждение. — Просто задумался.

— Как это говорят у вас, американцев? Ах, да! Пенни за ваши мысли [англ. «A penny for your thoughts». Дословно — «Пенни за ваши мысли». Популярная английская идиома, переводится на русский как «О чём задумался?» или «Расскажи, что у тебя на уме» — прим. переводчика]?

Арон усмехнулся. — Да, именно так у нас и говорят.

— Я никогда по-настоящему не понимал, что это значит, — признался доктор Ани. — Просто слышал пару раз по телевизору. — К этому времени он доел гамбургер и прихлёбывал горячий кофе.

— Это просто способ спросить человека, о чём он думает. — Арон почувствовал, что начинает проникаться симпатией к немецкому патологоанатому. Эта его наивность иностранца делала его более человечным, несмотря на внешность злодея из комиксов.

— Так, о чём же вы задумались? — снова спросил доктор Ани.

— Об актёрах, — сказал Арон. Это было первое слово, пришедшее ему на ум.

— Ах, актёры! — воскликнул патологоанатом с детским восторгом. — Я, как это у вас говорят, большой киноман. Могу часами обсуждать кино. Кстати, знаете ли вы разницу между хорошим актёром и плохим?

Арон отрицательно покачал головой. Дарлин принесла его заказ, и он немедленно принялся за еду, слушая доктора Ани.

— Плохой актёр пытается играть, а хороший — нет. Плохой актёр изо всех сил старается на сцене убедить нас, что вымышленный персонаж, которого он изображает, реален. Хороший актёр просто расслабляется и остаётся собой. Вспомните Марлона Брандо, Джека Николсона, Лоуренса Оливье. Если взять одного хорошего актёра и посмотреть все его фильмы подряд, вам покажется, что вы смотрите сериал-антологию: истории разные, а персонаж — один и тот же.

— Интересная теория, — сказал Арон, доедая яичницу. — А как бы вы классифицировали себя? Вы плохой актёр или хороший?

Доктор Ани усмехнулся, наклонился вперёд и прошептал заговорщицким тоном:

— Самый лучший.

— О, я вам верю. — Арон улыбнулся и поднял чашку кофе, словно это был бокал шампанского. — За хорошую игру и хорошее кино! Господь свидетель, в последнее время снимают слишком много дерьма.

— Аминь! — Доктор Ани поднял свою чашку и чокнулся с ним.

Дарлин принесла суп из утки, который доктор Ани заказал ранее. Он склонил голову над тарелкой, прихлёбывая бульон. Его лысина была настолько идеально гладкой, что Арон почти видел в ней собственное отражение. Он и не думал, что такое возможно на самом деле. Всё это выглядело настолько комично, что Арон не смог сдержать смех.

— А? — спросил его новый друг, поднимая свою «зеркальную» голову.

— Ничего. — Арон качнул головой. — Просто вспомнил кое-что.

— Говоря о кино, — продолжил доктор Ани, — знали ли вы, что Германия была первой страной, снявшей самый первый полнометражный научно-фантастический фильм?

Арон снова покачал головой, макая картошку фри в соус и поедая её одну за другой. Ему совсем не хотелось слушать лекцию по истории немецкого кинематографа, но он не нашёл способа вежливо прервать доктора Ани, поэтому решил расслабиться и просто подождать, пока тот закончит.

Доктор Ани продолжил:

— Да. 1927 год, «Метрополис» Фрица Ланга. Вы использовали это название для вымышленного города в комиксах о Супермене, а облик Машиненменша — для вашего С-3РО в «Звёздных войнах».

— Машинен... что?

— Машиненменш. Человек-машина, или скорее, женщина-машина, так как это была женщина. Первый робот, появившийся в кино. Кстати, у меня дома есть её реплика в натуральную величину. Если хотите, я могу вам её показать.

— Может, в другой раз, — вежливо отказался Арон.

— Да бросьте, агент Садовски, — настаивал тот. — Будет очень интересно, обещаю вам. Чем ещё вам заниматься в субботний вечер?

Арон вспомнил, что шериф Келлогг произнёс почти такую же фразу накануне вечером. Приключения он тогда действительно нашёл, и нарываться на новые ему совсем не хотелось. С другой стороны, как и в случае с шерифом, ему нужно было поддерживать дружеские отношения с доктором Ани, чтобы получить доступ к телу Элис. Иначе он никогда не раскроет это дело. Он посмотрел на часы. Было 12:40 дня. У него было немного свободного времени перед визитом в участок.

— Чёрт с ним, — сказал Арон, допивая остатки кофе одним глотком. — Давайте посмотрим на эту вашу машино-деву.

— Обещаю вам, — сказал доктор Ани, вытирая рот салфеткой, — вы не пожалеете.

Но Арон уже почувствовал пятой точкой, что пожалеет.

Оплатив счёт и оставив очень щедрые чаевые для Дарлин, доктор Ани повёз Арона к себе домой на своём «Кадиллаке Флитвуд» 1955 года. Машина была точь-в-точь как легендарный розовый «Кадиллак» Элвиса, но выкрашена в тёмно-красный цвет вместо розового. Арон тут же провёл ассоциацию: цвет свежей крови. Как и госпожа мэр, доктор Ани жил за городом. Его дом был не таким огромным, как особняк Эвелин, но всё равно внушительным — построенный в стиле кубического модернизма, с большими мансардными окнами для естественного освещения.

— Прошу, входите в мою скромную обитель, — сказал доктор Ани, открывая входную дверь.

— Скромную? Да тут места — вагон! — прокомментировал Арон, входя внутрь.

Весь первый этаж дома напоминал художественную галерею где-нибудь на Манхэттене. Молочно-белые стены были украшены безумными современными картинами — из тех, что выглядят так, будто художник набил себе прямую кишку краской, а затем «выстрелил» ею на холст могучим пердежом. Нью-йоркские хипстеры были бы в восторге от этого места. Сам он такое «искусство» терпеть не мог. Помимо «пердо-живописи», здесь было около пятнадцати пластиковых скульптур в человеческий рост, изображавших людей без кожи в самых разных позах. Подобных причудливых манекенов можно увидеть на занятиях по анатомии, но если обычные анатомические модели были гладкие, то у этих поверхность была грубой, словно их лепили вручную, а не отливали в специальной форме.

— Что это такое? — спросил Арон, прикасаясь к одной из пластиковых скульптур — женщины без кожи. Она скрестила руки на груди, словно пытаясь прикрыть свою освежёванную грудь. Поверхность скульптуры была шероховатой на ощупь.

Доктор Ани подошёл к статуе и посмотрел на неё с сияющей в глазах гордостью. — О, это всего лишь моё маленькое хобби. Я немножко художник и в свободное время люблю ваять скульптуры из пластинированной плоти.

Арон отдёрнул руку от макабрического изваяния, словно оно было из раскалённого металла. — Что значит «из пластинированной плоти»?

— Пластинация — это процесс, при котором мёртвое тело консервируется путём замены жидкостей и жира специальными полимерами, — деловито объяснил доктор Ани. Он подошёл к одной из своих скульптур и погладил её с выражением любви и восхищения на морщинистом лице. — Ни запаха, ни гниения. Просто красота, застывшая во времени, сохранённая навечно.

— Это вообще законно? — Арона начало подташнивать.

— Вполне. Вы разве никогда раньше не слышали о выставках пластинированного искусства?

Арон вспомнил, что на самом деле слышал о таких «художественных выставках». Какой-то псих из Германии создавал подобные скульптуры и путешествовал с ними по миру, выставляя их напоказ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.